A 133/370

370.

ТЕОРІЯ

ВОСТОЧНАГО ПАПИЗМА ВЪ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

Т. Барсова, экстраординарнаго профессора Спб. Духовной Академіи: „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію". Спб. 1878.

Чѣмъ бѣднѣе русская литература канонического права, тѣмъ позволительнѣе высказать желаніе, чтобы она не обогащалась продуктами сомнительнаго знанія, разсчитанными на полное невѣдѣніе или крайнею невзыскательность большинства читателей. Пусть сочиненія по каноническому праву появляются у насъ черезъ десятки лѣтъ, только бы каждое изъ нихъ обозначало собою здоровый, хотя и мало замѣтный, ростъ науки. Non multum, sed multum. Всего менѣе желательно въ литературѣ столь молодой науки, какъ наше церковное право, встрѣчаться съ такими явленіями, которыя, имѣя видъ ученыхъ трудовъ, на самомъ дѣлѣ способны только распространять небывалыя заблужденія тамъ, гдѣ было прежде простое незнаніе.

Предъ нами новая книга профессора (если не ошибаемся, канонического права) въ Спб. духовной академіи г. Барсова, озаглавленная: „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію". И званіе автора, и самая внѣшность книги, повидимому ручаются за ея солидность. Интересъ къ ней въ высокой степени возбуждается уже первыми строками предисловія-

2007058229

въ которыхъ заявляется: „Вопросъ о константинопольскомъ патріархѣ и его власти надъ русскою церковію принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ предметовъ науки церковнаго права вообще и русскаго въ особенности. Въ этомъ вопросѣ, съ одной стороны, содержится *сущность* развитія системы церковнаго управленія на востокѣ христіанской церкви, съ другой—заключаются первичныя основанія управленія русской, отечественной церкви. Между тѣмъ этотъ вопросъ остается *незатронутымъ* въ православной литературѣ — греческой и русской; равнымъ образомъ и западная—католическая и протестантская—литература не представляютъ изслѣдованія, посвященнаго спеціально настоящему предмету. Это обстоятельство освобождаетъ насъ отъ необходимости объяснять: почему мы остановились на этомъ предметѣ и избрали его темою для нашего сочиненія".

Итакъ намъ предлагается книга, заслуживающая полнаго вниманія читателей не только по важности своего содержанія, но и по своей оригинальности.

Охотно соглашаемся съ г. Барсовымъ, что избранный имъ предметъ имѣетъ весьма важное значеніе въ наукѣ церковнаго права; но, признаемся, насъ сильно озадачило категорическое заявленіе, будто этотъ вопросъ не только „не затронутъ въ православной канонической литературѣ—греческой и русской", но не вызвалъ „спеціальныхъ изслѣдованій" и на Западѣ. Кому изъ канонистовъ и богослововъ неизвѣстны труды Бингама, Томассина, Лекена, Петра де-Марки, Дюпена и новѣйшихъ: Маассена, Гефеле, Пихлера, Гергенрётера и другихъ, которые, по крайней мѣрѣ, предупредили г. Барсова въ сознаніи важности предмета, „избраннаго имъ темою для своего сочиненія?" Нельзя сказать, чтобы и въ русской литературѣ „вопросъ о константинопольскомъ патріархѣ и его власти подъ нашею церковію оставался незатронутымъ". Первая половина этой темы обстоятельно разработана въ трудахъ извѣстнаго нашего канониста—покойнаго преосвящ. Іоанна, [1]) вторая въ „Исторіи Русской Цер-

[1]) Разумѣемъ не только его „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія", но и ученыя статьи, помѣщавшіяся въ „Православномъ Собесѣдникѣ", преимущественно за 1858 г.

кви "высокопреосвящ. Макарія и, отчасти, въ „Исторіи Россіи" Соловьева. Но.... обратимся къ самой книгѣ г. Барсова; можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ такова, что заставитъ насъ забыть всю предыдущую литературу предмета—и русскую и западную.

Трудъ г. Барсова дѣйствительно оригиналенъ, но не въ смыслѣ самостоятельности изслѣдованія, которую трудно было проявить надъ столь избитою темою, а по той новой канонической теоріи, которая въ немъ проводится и на которую намекаютъ уже слова предисловія: „въ вопросѣ о константинопольскомъ патріархѣ содержится *сущность* развитія системы церковнаго управленія на востокѣ" [1]). Мы не находимъ другаго, болѣе подходящаго названія для этой теоріи, какъ *теорія восточнаго папизма*. Ея развитію и обоснованію посвящена собственно первая, по преимуществу каноническая, часть сочиненія, содержаніе которой, говоря словами автора, составляютъ: „постепенное возникновеніе патріаршей власти въ христіанской церкви и, въ частности, основанія учрежденія константинопольскаго патріаршества, также другіе, частнѣйшіе предметы, непосредственно входящіе въ составъ общаго вопроса и объясняющіе различныя стороны разсматриваемаго учрежденія, какъ-то: постепенное расширеніе преимуществъ константинопольскаго патріарха и крайнее возвеличеніе его каѳедры, особыя отличія этого іерарха въ ряду другихъ патріарховъ и преимущества его каѳедры, положеніе того же іерарха и его каѳедры на востокѣ христіанской церкви, составъ управленія константинопольскаго патріарха" (предисл., стр. X). Главными предметами изслѣдованій автора являются здѣсь факты каноническаго законодательства, въ которыхъ выразилось постепенное развитіе власти патріарховъ

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы признаемъ теорію г. Барсова *новымъ* явленіемъ только въ *русской* канонической литературѣ; а въ западной литературѣ она высказывалась и развивалась уже въ XVII в. Мы встрѣчаемъ ее, напримѣръ, въ сочиненіяхъ ученаго архіепископа Петра Де-Марки, вліяніе котораго вообще довольно сильно сказалось на книгѣ г. Барсова, (См. De concordia sacerdotii et imperii lib I, cap. IV sq. и спеціальный трактатъ: De constantant. pstriarchatus institutione.—Op. ed. Neapoli. 1771 m. V. p. 163—215).

вообще и константинопольскаго въ частности. На этихъ кардинальныхъ пунктахъ въ первой части сочиненія г. Барсова мы преимущественно и остановимъ свое вниманіе. Равнымъ образомъ и по отношенію ко второй части, въ которой раскрывается „власть константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію", мы ограничимся только вопросами, представляющими спеціальный интересъ для канониста, хотя, къ сожалѣнію, авторъ почему-то предпочелъ здѣсь работать почти исключительно въ пользу церковной исторіи, и лишь въ весьма незначительной мѣрѣ—для науки каноническаго права.

I.

Древнѣйшее каноническое основаніе власти патріарховъ обыкновенно находятъ въ 6-мъ правилѣ Никейскаго, перваго вселенскаго собора. „*Да хранятся*, говоритъ соборъ, *древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими, понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи и въ другихъ областяхъ* (καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις) *да сохраняются преимущества церквей*". Это правило, какъ справедливо замѣчаетъ Циглеръ [2]), давно уже сдѣлалось предметомъ столь разнообразныхъ толкованій, что объ немъ, равно какъ и о литературѣ вопроса, можно было бы написать особую книгу. Но для г. Барсова „подлинный смыслъ правила настолько ясенъ", что онъ не находитъ нужнымъ „разбирать" вызванныя имъ толкованія, а прямо примыкаетъ ко мнѣнію, которое признаетъ „господствующимъ въ настоящее время въ наукѣ". Мнѣніе это, по изложенію г. Барсова, состоитъ въ томъ, что „Никейскій соборъ имѣлъ въ виду не обыкновенныхъ митрополитовъ, которыми (sic) назывались іерархи главныхъ городовъ области, или провинціи, и не дѣйствительныхъ патріарховъ, которыми были іерархи главныхъ городовъ цѣлыхъ округовъ или діоцезовъ (такъ вездѣ у Барсова), обнимавшихъ собою нѣсколько митропольчьихъ областей, или граждан-

---

[2]) Versuch einer pragmat. Geschichte der kirchl. Verfassungsformen, s. 167—168.

скихъ провинцій, но имѣлъ въ виду тѣхъ іерарховъ, которые, не пользуясь еще во время Никейскаго собора званіемъ патріарха, тѣмъ не менѣе возвышались своимъ положеніемъ надъ обыкновенными митрополитами и приближались по своимъ преимуществамъ къ патріархамъ“ (стр. 11). Ученые, доставившіе такому изъясненію никейскаго канона „господство въ наукѣ“ (Маассенъ, Гефеле, Гергенрётеръ и др.), а за ними и г. Барсовъ, аргументируютъ такимъ образомъ: 1) соборъ *особо* говоритъ объ іерархахъ римскомъ, александрійскомъ и антіохійскомъ, слѣдовательно — отличаетъ ихъ, по правамъ власти, отъ обыкновенныхъ митрополитовъ, о которыхъ уже сдѣланы опредѣленныя постановленія въ предыдущихъ (4 и 5) правилахъ того же собора (стр. 11 и 14); 2) округъ каждаго изъ поименованныхъ въ 6-мъ никейскомъ канонѣ іерарховъ несомнѣнно обнималъ нѣсколько провинцій (гражданскихъ), слѣдовательно—содержалъ въ себѣ и нѣсколько митрополій (церковныхъ). Еслибы нашъ канонистъ попытался провѣрить эти доводы по источникамъ первой руки, или по крайней мѣрѣ, взялъ во вниманіе возраженія другихъ ученыхъ (въ особенности Бевериджа и Пихлера), которые смотрятъ на дѣло иначе, то вѣроятно убѣдился бы, что вопросъ рѣшается не такъ легко и просто. Толкователи настоящаго правила вообще недостаточно взвѣшиваютъ или тенденціозно объясняютъ то обстоятельство, что соборъ ясно установляетъ различіе между епископами римскимъ и александрійскимъ съ одной стороны, и антіохійскимъ и прочими старѣйшими іерархами—съ другой. Первые два отличались отъ своихъ собратовъ—областныхъ или провинціальныхъ митрополитовъ — тѣмъ, что имѣли подъ своею властію (ἐξουσία) не одну, а нѣсколько *гражданскихъ* провинцій, въ которыхъ и были *единственными* митрополитами. Именно: римскій епископъ, какъ пояснено въ латинскомъ переводѣ никейскаго канона, принадлежащемъ одному изъ членовъ собора—карѳагенскому епископу Цециліану, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи loca suburbicaria [3]), подъ которыми принято разумѣть десять италіянскихъ

---

[3]) См. *Maassen*, Geschichte der Quellen und Literatur d. canon. Rechts B. I, s. 11.

провинцій, подчиненныхъ Vicario Urbis [4]); александрійскій, по прямому указанію самого собора, простиралъ свою власть на три провинціи: Египетъ, Ливію и Пентаполь. Что въ предѣлахъ юрисдикціи перваго іерарха не было областныхъ или провинціальныхъ митрополитовъ, съ подчиненными имъ епископами (суффраганами), съ этимъ соглашаются и тѣ ученые, которымъ слѣдуетъ г. Барсовъ [5]); напротивъ, существованіе митрополитовъ въ провинціяхъ александрійскаго епископа представляется г. Барсову настолько „несомнѣннымъ", что, приводя относящіяся сюда доказательства, онъ не обращаетъ вниманія даже на сомнѣнія своихъ авторитетовъ. Такъ Маассенъ, на котораго, между прочимъ, ссылается здѣсь нашъ авторъ, прямо заявляетъ, что свидѣтельство св. Епифанія (конца IV в.) о египетскомъ епископѣ Мелетіи (конца III в.), котораго онъ называетъ *архіепископомъ*, не имѣетъ по отношенію къ настоящему вопросу никакой доказательной силы. Въ книгѣ же г. Барсова этотъ скептическій отзывъ опущенъ, а удержана только аргументація, основанная на предположеніи полной достовѣрности извѣстій Епифанія о Мелетіи [6]). Но и при этомъ предположеніи, свидѣтельство Епифанія, какъ основательно возражаетъ Пихлеръ [7]), вело бы къ прямо противоположному заключенію: „ибо — говоритъ названный ученый—во времена Мелетія имя архіепископа еще не было въ употребленіи, а только митрополитъ. Почему же Епифаній для обозначенія митрополичьяго достоинства употребилъ имя архіепископа, которое прежде только разъ усвоено (св. Аѳанасіемъ) александрійскому епископу и которымъ самъ

---

[4]) *Richter*, Lehrbuch Kirchenrechts, 8-te Auflage, § 14, not. 4.

[5]) *Maassen*, Primat des Bischofs von Rom und die alten Patriarchalkirchen s. 12; cfr. s. 121—122.

[6]) „Wenn die Nachrichten des heil. Epiphanius über den Meletius, говоритъ Маассенъ, als zuverlässig betrachtet werden könnten, so würde durch sein Zeugniss bewiesen sein, dass schon *vor* dem Concil von Nicaea in den ägyptischen Ländern Mitropoliten existirten..... Da aber die Glaubwürdigkeit des Berichtes des heil. Epiphanius über die Meletianische Angelegenheit keineswegs feststeht, so ist auf diese Aeusserung für unsern Zweck kein Argument zu gründen".—Primat, s. 21, not. 12.

[7]) Geschichte der kirchl. Trennung zw. d. Orient und Occident, B. I, s. 110—111.

Епифаній называетъ тамошняго епископа Петра, съ знаменательнымъ поясненіемъ: „всѣ александрійскія (т.-е. египетскія) церкви стоятъ подъ однимъ архіепископомъ“? То самое обстоятельство, что выдающійся епископъ изъ подчиненныхъ александрійскому названъ, какъ и сей послѣдній, архіепископомъ, и служитъ доказательствомъ, что тогда въ Египтѣ не было митрополитовъ“ и что, прибавимъ мы, въ источникахъ Епифанія Мелетій назывался не этимъ именемъ, которое вообще никогда не усвоялось обыкновеннымъ митрополитамъ. Рѣшающее значеніе по отношенію къ настоящему вопросу приписываютъ (Маассенъ, Гефеле и др.) свидѣтельствамъ Синезія, епископа птолемаидскаго (V в.), которыя приводитъ и г. Барсовъ (стр. 13, прим. 3). Но и здѣсь не мѣшало бы выслушать возраженія Пихлера. „Синезій, говоритъ онъ, сообщаетъ извѣстіе, что св. Аѳанасій александрійскій перемѣстилъ епископа Сидерія въ Птолемаиду чтобы управлять церковію *митрополіи* (τὴν μητροπολίτιν ἐκκλησίαν). Птолемаида была главнымъ городомъ Пентаполя и во времена Никейскаго собора, — политическою митрополіею. Самъ Синезій уже спустя сто лѣтъ (410—431) послѣ названнаго собора былъ митрополитомъ птолемаидскимъ, и объ немъ еще съ большимъ правомъ, нежели объ Епифаніи, можно сказать, что онъ въ отношеніи къ своей церкви выражался языкомъ своего времени. То, что онъ говоритъ о сохраненіи правъ своей митрополіи (τὰ μητρῶα τῆς πόλεως δίκαια), не устраняетъ возраженія, что во времена Аѳанасія, т.-е. за 100 лѣтъ прежде, подъ μητροπολίτις ἐκκλησία могла подразумѣваться церковь *политической* митрополіи“. Къ этимъ возраженіямъ прибавимъ указаніе на тотъ безспорный фактъ, что александрійскій епископъ и въ позднѣйшія времена, когда онъ несомнѣнно былъ уже патріархомъ, удерживалъ за собою право рукополагать всѣхъ вообще епископовъ (т.-е. не только митрополитовъ, но и ихъ суффрагановъ) во всѣ подчиненные ему города и области [8]). Не служитъ ли этотъ фактъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о прежнихъ отношеніяхъ, когда іерархъ Александріи былъ единственнымъ митрополитомъ для всѣхъ египетскихъ провинцій, или, говоря словами 6-го никейскаго канона, „имѣлъ власть надъ *всѣми ими*“?

---

[8]) См. *Beveregii*, Annot. in 4 can. nicaen.; *Maassen*, op. cit., p. 24.

Иначе сложился порядокъ церковнаго управленія въ тѣхъ странахъ христіанскаго Востока, на которыя Никейскій соборъ указалъ словами: „*въ Антіохіи и другихъ епархіяхъ.*“ Здѣсь не было митрополитовъ, власть которыхъ простиралась бы на нѣсколько гражданскихъ провинцій; по крайней мѣрѣ, если соборъ предполагаетъ, какъ *общее правило*, что каждая провинція имѣетъ своего митрополита (прав. 4 и 5), то это предположеніе можетъ идти только къ церквамъ восточнаго, азійскаго и ѳракійскаго діэцезовъ. Митрополиты областей или провинцій, входившихъ въ составъ этихъ діэцезовъ, безъ сомнѣнія были также независимы одинъ отъ другаго, какъ и епископы римскій и александрійскій. Но между ними издавна установились отношенія старѣйшинства (τὰ πρεσβεῖα), основанныя какъ на сравнительной древности ихъ церквей, такъ и на политической важности городовъ, въ которыхъ находились ихъ каѳедры. Въ томъ и другомъ отношеніи старѣйшею изъ всѣхъ митрополій Востока была антіохійская: вотъ почему она *одна* названа по имени въ постановленіи Никейскаго собора о томъ, чтобы во всѣхъ (восточныхъ) областяхъ „соблюдаемы были преимущества церквей“. Это были тѣже самыя преимущества, которыя въ 7 никейскомъ канонѣ предоставлены іерусалимскому епископу, а въ 3-мъ втораго вселенскаго собора—константинопольскому, т.-е. преимущества *чести*, а не власти. Власть митрополитовъ, опредѣленная въ предыдущихъ (4 и 5) никейскихъ правилахъ и выражавшаяся прежде всего въ правѣ поставленія епископовъ своей области, и теперь, послѣ формальнаго признанія преимуществъ старѣйшинства нѣкоторыхъ митрополичьихъ каѳедръ, оставалась на прежнихъ основаніяхъ, что̀ и *подтверждено* въ дальнѣйшихъ словахъ занимающаго насъ никейскаго канона: *вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто безъ соизволенія митрополита поставленъ будетъ епископомъ, о таковомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ.* Иначе объясняетъ эти слова г. Барсовъ. Онъ видитъ въ нихъ „намекъ“ на особенную власть антіохійскаго епископа (?), состоявшую будто бы въ томъ, что онъ „въ качествѣ церковнаго экзарха діоцеза поставлялъ областныхъ митрополитовъ и утверждалъ избраніе епископовъ, поставляемыхъ подлежащими областными митрополитами“ (стр. 14). Въ чемъ именно скрывается и откуда виденъ этотъ намекъ, авторъ не

указываетъ; за то спѣшитъ пояснить, что „настоящею прибавкою соборъ даетъ понять, что и при расширеніи преимуществъ перечисленныхъ въ его канонѣ высшихъ митрополитовъ (значитъ, уже не одного антіохійскаго?), ненарушимо должны соблюдаться права обыкновенныхъ митрополитовъ“ (какъ — „ненарушимо“, если право утвержденія кандидатовъ на простыя епископскія каѳедры предоставлено не областному, а высшему — діэцезному митрополиту?). Вмѣсто того, чтобы путаться въ произвольныхъ догадкахъ и толкованіяхъ, авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство, въ виду котораго подлинный смыслъ никейскаго канона открывается со всею ясностію и безъ всякихъ натяжекъ. Спустя 15 лѣтъ послѣ изданія этого канона, въ Антіохіи, резиденціи одного изъ митрополитовъ съ предполагаемыми правами высшей административной власти, былъ соборъ, который съ своей стороны издалъ нѣсколько правилъ по областному церковному управленію и слѣдовательно имѣлъ всѣ поводы къ тому, чтобы въ томъ или другомъ отношеніи выставить на видъ особенныя преимущества антіохійскаго епископа, якобы утвержденныя за нимъ Никейскимъ соборомъ. Но ничего подобнаго мы не находимъ въ антіохійскихъ постановленіяхъ; напротивъ, подтвердивъ вообще старинныя права митрополитовъ (прав. 9, 19 и 20), соборъ предоставляетъ еще каждому изъ нихъ новое право — составлять „большій соборъ“ (μείζονα σύνοδον), т.-е. увеличивать личный составъ своего областнаго собора (σύνοδος τῆς ἐπαρχίας) чрезъ приглашеніе епископовъ изъ сосѣдней митрополичьей области и такимъ образомъ рѣшать *въ послѣдней инстанціи* дѣла какъ административныя (прав. 13), такъ и судебныя (прав. 12 и 14). Гдѣ же тутъ *главный* митрополитъ цѣлаго округа (діэцеза) съ такою же властію надъ обыкновенными (областными или провинціальными) митрополитами, какую эти послѣдніе имѣли надъ своими епископами-суффраганами? Молчаніе собора объ этихъ главныхъ митрополитахъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что они были сравнительно новымъ явленіемъ въ сферѣ помѣстнаго церковнаго управленія.

Указанныя правила Антіохійскаго собора во многихъ отношеніяхъ послужили бы для г. Барсова лучшимъ коментаріемъ и къ соотвѣтственнымъ опредѣленіямъ Константинопольскаго, вто-

раго вселенскаго собора (381 г.). Во 2-мъ своемъ канонѣ соборъ этотъ говоритъ: *Областные епископы* (τοὺς ὑπὲρ διοίκησιν ἐπισκόπους) *да не простираютъ своея власти на церкви, за предѣлами своея области, и да не смѣшиваютъ церквей; но, по правиламъ, александрійскій епископъ да управляетъ церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуютъ токмо на востокѣ, съ сохраненіемъ преимуществъ антіохійской церкви, правилами никейскими признанныхъ; также епископы области асійскія да начальствуютъ токмо въ Асіи; епископы понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо понтійскія области, ѳракійскіе—токмо Ѳракіи. Не бывъ приглашены, епископы да не преходятъ за предѣлы своея области для рукоположенія, или какого-либо другаго церковнаго распоряженія.* — „Въ этомъ правилѣ, изъясняетъ г. Барсовъ, Константинопольскій соборъ съ ясностію указываетъ какъ предѣлы управленія *старѣйшихъ іерарховъ* (?), такъ и границы этихъ предѣловъ (что такое—„границы предѣловъ?“), а равно начальственное положеніе и взаимныя отношенія названныхъ іерарховъ. Для обозначенія именно предѣла этого управленія соборъ употребляетъ выраженіе διοίκησις — округъ, въ смыслѣ совокупности нѣсколькихъ провинцій, или областей. И такихъ округовъ соборъ съ полною раздѣльностію насчитываетъ пять: Египетъ, церквами котораго долженъ управлять іерархъ александрійскій; Востокъ, гдѣ между начальствующими епископами должны сохраняться преимущества антіохійской церкви; діэцезы Азіи, Понта и Ѳракіи, изъ коихъ въ первомъ „начальственное положеніе“ надъ митрополитами должно принадлежать іерарху ефесскому, во второмъ—кесарійскому, въ третьемъ—ираклійскому (стр. 17 и 19). „Ясное“ указаніе на полѣднихъ трехъ іерарховъ и на ихъ „начальственное положеніе“ въ своихъ діэцезахъ г. Барсовъ нашелъ, конечно, не въ самомъ канонѣ, который объ этихъ іерархахъ вовсе не упоминаетъ, а въ другихъ „источникахъ“, преимущественно у Маассена, который аргументируетъ такъ: Ефесъ былъ главнымъ городомъ азійскаго діэцеза, Кесарія—понтійскаго, Ираклія—ѳракійскаго; ergo—митрополиты этихъ городовъ имѣли власть надъ прочими митрополитами своихъ діэцезовъ *). Предполается, значитъ, несомнѣннымъ и нетребующимъ доказательства,

*) Primat, s. 56—61.

что политическому значенію названныхъ городовъ *столь* соотвѣтствовало и *церковное* ихъ значеніе.—Смыслъ правила дѣйствительно ясенъ, только не съ той стороны, откуда освѣщаетъ его г. Барсовъ. Соборъ ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду установить крайніе предѣлы правомѣрнаго и цѣлесообразнаго участія епископовъ вообще и митрополитовъ въ обенности въ дѣлахъ чужихъ церквей. Для этого онъ примѣняетъ къ церковному управленію существующее въ государственной администраціи дѣленіе Востока (въ обширномъ смыслѣ) на пять округовъ (діэцезовъ): египетскій, восточный (въ тѣсномъ смыслѣ), азійскій и ѳракійскій. Въ египетскомъ діэцезѣ, какъ намъ уже извѣстно, былъ одинъ только митрополитъ—епископъ александрійскій: о немъ только и упоминаетъ соборъ въ своемъ правилѣ; въ остальныхъ, по всей вѣроятности, было столько же митрополитовъ, сколько въ каждомъ провинцій (ἐπαρχίαι); поэтому соборъ и выражается во множественномъ числѣ: „епископы такого-то и такого-то діэцеза“. Только при упоминаніи о восточныхъ епископахъ прибавлено, чтобы они „сохраняли преимущества антіохійской церкви, признанныя никейскими правилами“. Константинопольскій соборъ, такъ же какъ и Никейскій, не входитъ въ ближайшее опредѣленіе этихъ преимуществъ; но въ виду нѣкоторыхъ указаній, содержащихся въ актахъ собора, можно съ полною достовѣрностью утверждать, что и теперь старѣйшій епископъ восточнаго діэцеза пользовался только преимуществами чести, а не власти. Такъ въ своемъ посланіи къ римской церкви, извѣщая о поставленіи Флавіана въ епископа Антіохіи, Константинопольскій соборъ называетъ область этого іерарха общимъ именемъ митрополичьей области—ἐπαρχία и ясно отличаетъ отъ ἀνατολικὴ διοίκησις [10]). Въ томъ же посланіи г. Барсовъ нашелъ бы вполнѣ достовѣрное, такъ-сказать аутентическое толкованіе и всего постановленія о діэцезахъ и епархіяхъ, изложеннаго во 2-мъ соборномъ канонѣ. „Относительно помѣстнаго управленія въ церквахъ — писали отцы собора — удержалъ силу древній, какъ знаете, законъ и опредѣленіе св.

---

[10]) *Harduin*, Acta Concil. t. I, p. 825: οἵ τε τῆς ἐπαρχίας (епрійской) καὶ τῆς ἀνατολικῆς διοικήσεως συνδραμόντες (ἐπίσκοποι), κανονικῶς ἐχειροτόνησαν.

отецъ въ Никеѣ, чтобы въ каждой *епархіи* совершали рукоположенія епархіальные (областные) епископы, *пригласивъ, если захотятъ и находятъ полезнымъ, и сосѣднихъ епископовъ* [11]). Первая часть этого извѣстія, очевидно, вполнѣ соотвѣтствуетъ послѣднимъ словамъ канона: „дѣла каждой области (καθ' ἑκάστην ἐπαρχίαν) благоучреждать будетъ соборъ той же области, какъ опредѣлено въ Никеѣ"; вторая же („пригласивъ сосѣднихъ епископовъ") передаетъ смыслъ предыдущаго соборнаго постановленія о діэцезахъ, и передаетъ такъ, что не оставляетъ никакого мѣста догадкѣ о существованіи или установленіи вновь митрополитовъ *съ высшею властію надъ цѣлымъ діэцезомъ*. Каждому областному собору (и митрополиту) предоставлено право приглашать епископовъ изъ сосѣднихъ областей и такимъ образомъ составлять тотъ „бо́льшій соборъ", о которомъ говорятъ антіохійскія правила и который въ 6-мъ канонѣ самаго Константинопольскаго собора названъ „соборомъ епископовъ діэцеза (σύνοδος τῶν τῆς διοικήσεως ἐπισκόπων). Само собою понятно, что на этихъ соборахъ старѣйшій митрополитъ въ діэцезѣ занималъ предсѣдательское мѣсто и вообще пользовался особеннымъ вліяніемъ, которое мало-по-малу доставляло ему соотвѣтственныя права высшей власти. Въ номенклатурѣ церковно-іерархическихъ чиновъ появился новый титулъ: ἔξαρχος τῆς διοικήσεος. Г. Барсовъ увѣряетъ, что титулъ этотъ уже въ IV в. былъ настолько употребителенъ на Востокѣ, что едва тогда же не проникъ и на Западъ, гдѣ впрочемъ былъ отвергнутъ однимъ изъ африканскихъ соборовъ, именно иппонійскимъ 393 г. (стр. 22—23). Но вѣрить этому нельзя по той простой причинѣ, что слово *экзархъ* принадлежитъ только греческому переводу правилъ африканскихъ соборовъ, появившемуся не прежде конца VI вѣка [12]); въ латинскомъ же оригиналѣ стоитъ *princeps* (sacerdotum). Ближе къ истинѣ будетъ

---

[11]) Ibid. p. 824: Περὶ δὲ τῶν οἰκονομιῶν τῶν κατὰ μέρος ἐν ταῖς ἐκκλησίαις, παλαιός τε, ὡς ἴστε, θεσμὸς κεκράτηκε καὶ τῶν ἁγίων ἐν Νικαίᾳ πατέρων ὅρος, καθ' ἑκάστην ἐπαρχίαν τοὺς τῆς ἐπαρχίας, καὶ εἴπερ ἐκεῖνοι βούλοιντο, σὺν αὐτοῖς τοὺς ὁμόρους πρὸς τὸ σύμφερον ποιεῖσθαι τὰς χειροτονίας.

[12]) Правила эти, извѣстныя въ каноническихъ сборникахъ подъ именемъ „правилъ карѳагенскаго собора" (419 г.), еще не находятся въ древнѣйшемъ греческомъ сборникѣ, принадлежащемъ Іоанну Схоластику (VI в.)

то предположеніе, что титулъ появился не прежде соотвѣтственнаго ему чина въ церковной іерархіи. Дѣйствительно, первый примѣръ его употребленія мы находимъ въ актахъ Антіохійскаго собора 445 года: *экзархомъ* діэцеза однажды названъ здѣсь *антіохійскій* епископъ Домнъ, обыкновенно называемый (въ заявленіяхъ другихъ членовъ собора) *архіепископомъ* [13]). Это обстоятельство весьма знаменательно. Послѣдній титулъ безспорно указывалъ уже на особенныя права власти антіохійскаго іерарха, какихъ не имѣли обыкновенные митрополиты; но первый, по всей вѣроятности, былъ простымъ отличіемъ старѣйшихъ митрополитовъ въ тѣхъ трехъ діэцезахъ, которые 28-мъ канономъ Халкидонскаго собора (451 г.) подчинены „*архіепископу* Новаго Рима", но *фактически* и отчасти на основаніи императорскихъ законовъ уже давно стояли подъ его юрисдикціей.

Такимъ образомъ эпоха окончательнаго установленія власти патріарховъ вообще почти совершенно совпадаетъ съ эпохою формальнаго учрежденія константинопольскаго патріархата въ частности.

II.

Характеристическую черту каноническаго законодательства, возвышавшаго константинопольскаго епископа на степень патріарха, составляетъ то, что онъ постоянно ставится въ параллель съ римскимъ епископомъ, старѣйшимъ іерархомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, и его каѳедра, какъ находящаяся въ *новой* столицѣ имперіи, въ *Новомъ Римѣ*, признается *второю* послѣ каѳедры Стараго Рима. Это выражено уже въ 3 канонѣ втораго Вселенскаго собора, который, какъ выше замѣчено, предоставилъ константинопольскому епископу пока только „*преимущества чести* по римскомъ епископѣ". То же самое въ существѣ дѣла повторилъ и Халкидонскій соборъ, въ своемъ знаменитомъ 28 правилѣ, отъ котораго собственно и начинается каноническое бытіе константинопольскаго патріархата. Вотъ подлинныя слова собора: „*Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ св. отецъ и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ,*

---

[13]) См. у Гардуина въ Acta Concil. t. II, p. 589–591.

бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Ѳеодосія въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, Новомъ Римѣ, тоже самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви тогожде Константинополя, Новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію, и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу Новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и сигклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ будетъ возвеличенъ подобно тому, и будетъ вторый по немъ". Это было собственно мотивомъ дальнѣйшаго постановленія изложеннаго въ томъ же канонѣ—о подчиненіи константинопольскому „архіепископу" трехъ діэцезовъ съ ихъ митрополитами. Въ самомъ дѣлѣ представлялось несообразнымъ, что іерархъ, занимавшій въ порядкѣ и представительствѣ вселенской іерархіи второе мѣсто *по преимуществамъ чести*, не имѣлъ соотвѣтственныхъ *правъ и преимуществъ власти*. Но г. Барсовъ нашелъ въ этомъ мотивѣ главное основаніе для новой канонической теоріи, которую, повторяемъ нельзя иначе назвать какъ *теоріей восточнаго папизма*. Развитіе этой теоріи идетъ у автора параллельно съ изъясненіемъ соборныхъ каноновъ, начиная отъ Халкидонскаго и оканчивая Константинопольскимъ 879 года. Въ приведенныхъ словахъ халкидонскаго канона г. Барсовъ видитъ „толкованіе 3 правила втораго Вселенскаго собора, и при томъ — толкованіе въ смыслѣ новаго постановленія" (стр. 54); именно: „выраженіемъ „*равныя преимущества*" (ἴσα τὰ πρεσβεια) соборъ призналъ іерарха константинопольскаго, какъ іерарха Новаго Рима, во всемъ (?) равнымъ патріарху Рима древняго и усвоилъ каѳедрѣ перваго то же самое значеніе, честь (?) и достоинство, какими пользовалась каѳедра послѣдняго. Словами: „*и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому* (καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς, ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι) соборъ выразилъ, что престолъ (каѳедра) Новаго Рима и его іерархъ должны получить столь же широкое и многообъемлющее значеніе въ дѣлахъ христіанской церкви, какимъ уже пользовались каѳедра и іерархъ древняго Рима... Замѣчаніемъ: „*и будетъ вторый по немъ* (δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν) соборъ показалъ, что каѳедра константинопольская, при равенствѣ ея

преимуществъ съ римскою, должна быть второю, а не первою, которою (*sic*) остается каѳедра римская, второю—въ порядкѣ счета, но не относительно достоинства, такъ что и іерархъ константинопольскій долженъ быть вторымъ послѣ римскаго относительно только порядка и мѣста, а не вліянія на дѣла церкви" (стр. 55). Если такъ излагать смыслъ халкидонскаго канона, то конечно нельзя будетъ не увидать въ немъ, сравнительно съ константинопольскимъ канономъ, новаго—и надобно согласиться—довольно сбивчиваго и нелогичнаго постановленія. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны константинопольскій епископъ ставится на одну линію съ римскимъ, какъ совершенно *равночестный* и равноправный ему іерархъ, съ другой—получаетъ *второе* мѣсто въ порядкѣ вселенской іерархіи, безъ всякаго, впрочемъ умаленія въ своей *чести* или власти, а такъ только для счета, по необходимости отличить № 1 отъ № 2. Кто сталъ бы по требованію здраваго смысла утверждать, что первый въ ряду церковной іерархіи *выше* втораго, а второй *ниже* перваго (какъ и утверждаетъ извѣстный греческій канонистъ Зонара), тому г. Барсовъ возразитъ: „подобная аргументація напоминаетъ собою пріемъ, какъ если бы кто, на основаніи неспособности человѣка произнести два слова заразъ, безраздѣльно, или по причинѣ невозможности поставить два предмета на одну точку, сталъ бы (*sic*) какъ умалять значеніе произнесеннаго вторымъ послѣ перваго слова, такъ и унижать достоинство другаго предмета, не стоящаго на одной точкѣ съ первымъ" (стр. 59). Чтобы избѣжать подобной методологической погрѣшности, нашъ русскій канонистъ аргументируетъ такъ, что изъ его доводовъ выходитъ нѣчто подобное отвѣту, какой даютъ смышленыя дѣти на вопросъ о превосходствѣ папы или мамы: *оба лучше*. Допустимъ, что только указанная необходимость раздѣльнаго счета при сопоставленіи двухъ совершенно равночестныхъ и равноправныхъ іерарховъ заставила соборъ дать одному изъ нихъ первое, другому—второе мѣсто. Почему же однако эта какъ бы *физическая* необходимость *канонически* выразилась такъ, что константинопольскому епископу однажды навсегда досталось *второе* а не первое мѣсто? Какъ видно, г. Барсовъ не додумался до этого простаго вопроса, а потому и не могъ понять мотива, въ силу котораго греческіе канонисты, при объясненіи 28 халки-

донскаго (и 3 константинопольскаго) канона, обращали столь серьёзное вниманіе на значеніе предлога μετά въ словахъ: δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν. Одни изъ нихъ—именно тѣ, которые, подобно г. Барсому, признавали константинопольскаго патріарха не только равноправнымъ, но и равночестнымъ съ римскимъ папою, уже по требованію логической необходимости, должны были понимать предлогъ „по" въ смыслѣ *историческомъ*, т.-е. въ смыслѣ указанія на *позднѣйшее* происхожденіе и возвышеніе константинопольской каѳедры, поставленной халкидонскимъ соборомъ на одну линію съ римскою [14]). Другіе (Зонара и Вальсамонъ) толковали этотъ предлогъ въ смыслѣ *юридическомъ*, т.-е. въ смыслѣ умаленія, *пониженія* (ὑποβιβασμός) константинопольскаго епископа предъ римскимъ *по преимуществамъ чести*. Нашъ канонистъ признаетъ эти толкованія „напрасною игрою предлогомъ μετα" и въ замѣнъ ихъ предлагаетъ слѣдующее якобы серьёзное соображеніе: „И первый и второй іерархъ могутъ быть совершенно равны и пользоваться одинаковымъ значеніемъ какъ въ особо предоставленномъ каждому кругѣ, такъ и во всемъ пространствѣ ихъ компетенціи (т.-е. опять въ томъ самомъ „кругѣ"?); но при соединеніи вмѣстѣ, для порядка и послѣдовательности (значитъ — не для одного только ариѳметическаго счета?), одинъ изъ нихъ (который же именно, или каждый по очереди?) долженъ сдѣлаться первымъ, другой вторымъ, съ тѣмъ однако, что голосъ и распоряженія того и другаго остаются совершенно равны и однозначущи въ дѣлахъ церковныхъ" (это совсѣмъ другой вопросъ: и всѣ патріархи, какъ ниже увидимъ, въ указанномъ отношеніи были равны между собою). Достаточно сопоставить толкованія византійскихъ канонистовъ XII в. съ изъясненіями с.-петербургскаго профессора каноническаго права, чтобы видѣть, на чью сторону долженъ пасть упрекъ въ „напрасной игрѣ" словами. Въ самомъ дѣлѣ, первое изъ приведенныхъ греческихъ толкованій преимуществуетъ предъ изъясненіями г. Барсова по крайней мѣрѣ своею логич-

---

[14]) Такое толкованіе принадлежитъ древнему анонимному схоліасту, которымъ воспользовался Арцтинъ, но который остался неизвѣстнымъ г. Барсову (*Pitra*, Juris eccles. graec. hist. et monum. t. II, p. 645. Ср. у Барсова стр. 31).

ностію: „ибо — замѣчаетъ старый схоліастъ — признавать кого-либо въ одно и тоже время равнымъ и вторымъ по преимуществамъ чести значитъ — утверждать нелѣпость“ (τὸ δὲ ἰσάζειν ἅμα καὶ δευτερεύειν τῇ τιμῇ ἀσύμβατόν τε καὶ ἀδιανόητον). А это именно утверждаетъ г. Барсовъ своею теоріею о равночестности двухъ іерарховъ, изъ коихъ одинъ (*непремѣнно* римскій), „для порядка и послѣдовательности“ въ ихъ соприсутствіи, долженъ занимать первое, а другой (*непремѣнно* константинопольскій) — второе мѣсто. Кто изъ двухъ равноправныхъ лицъ всегда и во всемъ de iure имѣетъ шагъ впередъ, о томъ необходимо мыслить, какъ о лицѣ, имѣющемъ *преимущество чести*. Такое преимущество (primatus honoris) Восточная церковь всегда отдавала римскому епископу предъ всѣми іерархами христіанскаго міра. Намъ нѣтъ нужды распространяться на эту избитую тему; достаточно замѣтить только, для уясненія смысла халкидонскаго канона, что онъ, вмѣстѣ съ признаніемъ *неравенства чести* двухъ названныхъ въ немъ іерарховъ, совершенно *сравнялъ ихъ по правамъ власти*, т.-е. подчинилъ константинопольскому епископу три діэцеза, съ правомъ рукополагать тамошнихъ митрополитовъ, призывать ихъ на соборы, судить и т. п.; словомъ: призналъ его такимъ же патріархомъ, какимъ былъ и папа. Вотъ почему, мотивируя свое постановленіе по этому предмету словами константинопольскаго канона, Халкидонскій соборъ и внесъ сюда новыя выраженія: „сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы предоставили *равныя преимущества* святѣйшему престолу новаго Рима“, и: „въ церковныхъ дѣлахъ да будетъ возвеличенъ (новый Римъ) *подобному тому*“ (древнему). Прибавки эти представляются знаменательными и въ томъ отношеніи, что новый патріархъ, по пространству предоставленной ему территоріи, дѣйствительно превосходилъ остальныхъ патріарховъ Востока и ближе всѣхъ стоялъ къ римскому папѣ.

Халкидонское постановленіе почти дословно повторено въ 36-мъ правилѣ Трульскаго, пято-шестаго вселенскаго собора (692 г.), съ слѣдующею только прибавкою: *послѣ константинопольскаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антіохійскій и послѣ нихъ престолъ града Іерусалима*. Кажется, что бы могло быть проще и яснѣе подлиннаго смысла этого правила? Если два вселенскіе собора (Константинопольскій и

Халкидонскій) измѣнили прежній порядокъ высшихъ іерархическихъ каѳедръ, поставивъ на второе мѣсто константинопольскую; если потомъ этотъ измѣненный порядокъ подтвержденъ закономъ Юстиніана съ разъясненіемъ, что архіепископъ Новаго Рима, занимая второе мѣсто послѣ папы, долженъ имѣть *преимущество чести* (πρεσβεῖα) предъ прочими патріархами (ср. у Барсова стр. 104): то оставалось только дополнить предыдущее каноническое и гражданское законодательство по сему предмету поименнымъ исчисленіемъ всѣхъ пяти патріаршихъ престоловъ въ установившемся порядкѣ ихъ относительной чести и достоинства. Это и сдѣлано Трульскимъ соборомъ. Но г. Барсовъ, имѣя въ виду, „что ко времени названнаго собора константинопольскій іерархъ", „благодаря покоренію христіанскаго Востока сарацынами" (стр. 103), успѣлъ значительно распространить свое вліяніе на другіе восточные патріархаты и до нѣкоторой степени подчинить теченіе въ нихъ церковныхъ дѣлъ своему наблюденію", и что, съ другой стороны, „соборъ не осуждаетъ этого,—слѣдовательно признаетъ подобный порядокъ вещей правильнымъ, цѣлесообразнымъ и законнымъ", „позволяетъ себѣ *далѣе распространить* смыслъ трульскаго постановленія и сказать, что оно полагало и допускало только *два центра высшей, единоличной церковной власти: іерарховъ древняго и новаго Рима и при томъ съ совершенно равными и величественными правами*" (стр. 108). По силѣ такого „распространительнаго" толкованія, вышеприведенныя слова трульскаго канона объ остальныхъ трехъ патріархахъ „*не* заключаютъ въ себѣ мысли о равенствѣ ихъ, по правамъ и преимуществамъ власти, съ первыми двумя іерархами" (стр. 109). Ясно, что г. Барсовъ держится особеннаго, доселѣ неизвѣстнаго и неиспробованнаго правила канонической интерпретаціи: „чего прямо не запрещаетъ канонъ, то онъ узаконяетъ". Съ этимъ правиломъ можно „распространять" смыслъ всякаго закона до какихъ угодно предѣловъ. Въ настоящемъ случаѣ нашъ канонистъ распространилъ свою интерпретацію, вопервыхъ, до явнаго противорѣчія самому себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при толкованіи халкидонскаго канона, предоставившаго константинопольскому патріарху второе мѣсто по римскомъ, выходило, что тутъ нѣтъ никакого умаленія чести и власти одного іерарха предъ другимъ; напротивъ теперь, благодаря „вольному"

толкованію трульскаго канона, въ которомъ только досчитаны остальные три патріарха, получается противоположный результатъ, именно — тотъ, что эти послѣдніе, по своимъ правамъ и преимуществамъ, *не* равны съ двумя первыми, хотя въ тоже время de jure и неподчинены имъ (стр. 109). Вовторыхъ, широкая интерпретація г. Барсова оказывается совершенно несовмѣстимою съ каноническими воззрѣніями самого Трульскаго собора. Соборъ вообще не находилъ возможнымъ ограничивать іерархическія права каѳедръ вслѣдствіе того, что онѣ подпали подъ владычество невѣрныхъ (прав. 37 и 39),—значитъ, въ *принципѣ* отвергалъ силу тѣхъ фактовъ, которые навѣяли нашему канонисту его „распространительное толкованіе“ (см. стр. 103).

Послѣднимъ словомъ каноническаго законодательства, возвышавшаго константинопольскаго патріарха на одинаковую степень съ римскимъ папою, г. Барсовъ признаетъ слѣдующее правило Константинопольскаго собора 879 года: *Святый и вселенскій соборъ опредѣлилъ: аще которые изъ италійскихъ клириковъ, или мірянъ, или изъ епископовъ, обитающіе въ Асіи, или въ Европѣ, или въ Ливіи, подверглися или узамъ отлученія отъ таинствъ, или извержетія изъ своего чина, или анаѳемѣ отъ святѣйшаго папы Іоанна: тѣда будутъ и отъ святѣйшаго Фотія патріарха константинопольска, но подвержены тому же степени церковнаго наказанія, т. е. да будутъ или извержены или преданы анаѳемѣ, или отлучены. И которихъ клириковъ, или мірянъ, или архіерейскаго или іерейскаго чина Фотій святѣйшій патріархъ нашъ, въ какомъ бы то ни было предѣлѣ, подвергнетъ отлученію, или извержению, или проклятію, тѣхъ и святѣйшій папа Іоаннъ, исъ нимъ святая Божія римская церковь да признаетъ подъ тѣмъ же осужденіемъ находящимися. При томъ въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римскія церкви и ея предсѣдателю, совершенно да не будетъ никакого нововведенія, ни нынѣ, ни впредь*“ (прав. 1). Уже самая редакція правила показываетъ, что оно имѣло значеніе временной мѣры, направленной къ прекращенію тогдашнихъ несогласій между Римомъ и Константинополемъ: каждый изъ примиряющихся іерарховъ обязуется признавать всѣ дѣйствія карательной власти другаго, совершенныя имъ надъ *своими* клириками или мірянами, гдѣ бы они ни находились. Это было собственно примѣненіемъ къ данному случаю основнаго церковнаго правила, выраженнаго еще первымъ вселенскимъ со-

боромъ (прав. 5). Но въ концѣ мирнаго условія между папою и патріархомъ сдѣлана знаменательная прибавка о *неприкосновенности* преимуществъ римскаго престола—и теперь на будущее время. Таковъ простой и прямой смыслъ настоящаго правила. Но г. Барсовъ видитъ въ немъ нѣчто въ родѣ полюбовнаго раздѣла высшей духовной власти надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ между двумя іерархами. „Въ этомъ канонѣ, говоритъ онъ, мы видимъ новое подтвержденіе того, что римскій и константинопольскій іерархи, коихъ каѳедры представляли средоточные пункты церковнаго управленія—перваго на западѣ, втораго на востокѣ христіанской церкви, были такими высокими органами, что ихъ власть, сила и вліяніе, при взаимномъ общеніи востока и запада, имѣли одинаковое значеніе и одинаковое дѣйствіе *во всѣхъ мѣстностяхъ и по отношенію ко всѣмъ членамъ церковнаго союза*“ (стр. 114). Указаніе на такой объемъ власти того и другаго іерарха г Барсовъ нашелъ повидимому въ словахъ канона объ осужденныхъ папою *въ Азіи, Европѣ* и *Ливіи* (Египтѣ), но упустилъ изъ виду, что рѣчь идетъ именно объ *италійскихъ* клирикахъ и мірянахъ, которые, по общимъ правиламъ церковнаго устройства, исключительно подлежали юрисдикціи своего (т.-е. римскаго) первосвященника; точно также и выраженія канона о клирикахъ или мірянахъ, *кто бы то ни было* подвергающихся церковному наказанію отъ патріарха Фотія, могутъ относиться только къ лицамъ, состоящимъ подъ властію этого патріарха, но случайно находящимся въ другомъ церковномъ округѣ. Что касается до дальнѣйшихъ разсужденій автора, то мы рѣшительно отказываемся найти для нихъ какое-нибудь основаніе или хотя отдаленный поводъ въ словахъ константинопольскаго правила. Напримѣръ: „Мы ни мало не выступимъ изъ предѣловъ постановленія разсматриваемаго канона, напротивъ только передадимъ его полный, *какой онъ можетъ* (?) *имѣть смыслъ*, если прибавимъ, что названные іерархи и ихъ каѳедры должны были пользоваться равноправнымъ положеніемъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и вопросахъ церковныхъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что для законности и силы какого-либо общаго церковнаго постановленія и распоряженія необходимо нужны были участіе и согласіе двухъ старѣйшихъ іерарховъ христіанской церкви: римскаго и константинопольскаго и ихъ каѳедръ, такъ что поста-

повленное и сдѣланное помимо ихъ участія не могло имѣть законной силы. *Продолжая далѣе нашу мысль* (итакъ, самъ авторъ сознается, что онъ занятъ собственно вольнымъ теченіемъ своихъ мыслей по поверхности изъясняемаго правила), мы должны прибавить, что предпринятое и предположенное однимъ іерархомъ и при его каѳедрѣ предварительно должно быть обсуждено и одобрено другимъ іерархомъ и при его каѳедрѣ, чтобы получить правомѣрное дѣйствіе для общей пользы" (а прочіе патріархи должны беспрекословно принимать, что̀ порѣшатъ два старшіе?) Въ концѣ концовъ г. Барсовъ объявляетъ константинопольскаго патріарха, отъ имени тамошняго собора 879 г., „*представителемъ всего востока христіанской церкви*" (стр. 116), или, что̀ тоже, вторымъ папою. „Подобное положеніе обоихъ іерарховъ, глубокомысленно заключаетъ авторъ свои разглагольствія по поводу константинопольскаго канона, было крайнимъ моментомъ развитія централизаціи церковной власти, за предѣлами котораго начиналась область абсолютизма, столь противнаго духу и идеѣ христіанской церкви. Вотъ почему тотъ же разсматриваемый канонъ, признавъ высшее и равноправное положеніе за обоими іерархами, въ заключеніе прибавилъ: чтобы „*въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римскія церкви и ея предсѣдателю не было допускаемо никакого нововведенія, ни нынѣ, ни впредь*. Этою прибавкою канонъ сказалъ, что преимущества *обѣихъ* каѳедръ (зачѣмъ же *обѣихъ*, когда соборъ говоритъ объ одной только римской?) достигли апогея своего развитія, такъ что всякое дальнѣйшее расширеніе ихъ преимуществъ перейдетъ за черту законной умѣренности" (стр. 117). Еслибы авторъ и здѣсь заглянулъ въ подлинный (греческій) текстъ правила, то увидалъ бы, что приведенная прибавка имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, именно, какъ выше замѣчено, говоритъ о *неприкосновенности* особенныхъ преимуществъ римской каѳедры, сравнительно съ константинопольскою. Вотъ подлинныя слова канона: μηδὲν τῶν προσόντων πρεσβείων τῷ ἁγιωτάτῳ θρόνῳ τῆς Ῥωμαίων ἐκκλησίας καὶ τῷ ταύ της προέδρῳ τὸ σύνολον καινοτομουμένων. Въ Книгѣ Правилъ послѣднее слово переведено: „да не будетъ никакого *нововведенія*", что̀, по толкованію г. Барсова (взятому, tacite у архим. Іоанна), значитъ: „никакого *расширенія* или *прибавленія*". На языкѣ канонической законодательства глаголъ καινοτομέω обыкновенно упо-

требляется въ значеніи: *измѣнять что-либо, признанное неизмѣннымъ, нарушать.* Всего чаще этотъ глаголъ и производное отъ него прилагательное ἀκαινοτόμητος встрѣчаются въ соборныхъ правилахъ, говорящихъ о неприкосновенности церковныхъ догматовъ, каноновъ или чьихъ-либо правъ, напримѣръ: ἀκαινοτόμητόν τε καὶ ἀπαράτρωτον φυλάττειν τὴν παραδοθεῖσαν πίστιν (Трул. прав. 1); εἰ δέ τις ἀλῶ κανόνα τινὰ τῶν εἰρημένων καινοτομῶν (прав. 2); ὥστε ἀκαινοτόμητα διαφυλαχθῆναι τὰ.... προνόμια—мѣсто, совершенно параллельное словамъ константинопольскаго канона и въ Книгѣ Правилъ переведенное: „да будутъ сохранены *неизмѣнными* преимущества“ (прав. 39). Вальсамонъ, вѣроятно болѣе г. Барсова знакомый съ канонической терминологіею своего языка, излагая смыслъ послѣднихъ словъ константинопольскаго канона, говоритъ: „такъ какъ нѣкто изъ италійскихъ (членовъ собора) возразилъ, что настоящее опредѣленіе клонится къ ограниченію особенныхъ преимуществъ древняго Рима вслѣдствіе уравненія (обѣихъ каѳедръ): то и было прибавлено, что преимущества и честь римскаго предстоятеля на будущее время должны сохраняться *неизмѣнными*“ (ἀκαινοτόμητα). Замѣчательно, что и нашъ канонистъ въ видѣ коментарія къ настоящему правилу, приводитъ (по нѣмецкому переводу Гефеле) отрывокъ изъ самыхъ актовъ собора, доказывающій, что правило это предложено было самими папскими легатами, и предложено именно съ оговоркою: „*безъ нарушенія* преимуществъ римской церкви и ея епископа“ (стр. 113). Но увлеченіе излюбленною теоріей восточнаго папизма было настолько сильно, что авторъ, „простираясь“ своею мыслію „въ предняя“, очевидно „забывалъ задняя“.

Покончивъ съ канонами, г. Барсовъ считаетъ нужнымъ сокращенно изложить сущность своихъ воззрѣній на константинопольскаго патріарха и дѣлаетъ это въ двухъ мѣстахъ своей книги (именно: стр. 138–142 и стр. 232—234). Рѣчь идетъ уже въ чистофилософскомъ тонѣ. „Въ основу возвышенія константинопольской каѳедры и расширенія преимуществъ ея іерарха—размышляетъ авторъ—легли законные и истинные принципы.... Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ опредѣлять смыслъ и цѣль возвышенія константинопольской каѳедры *съ точки зрѣнія исторіи*, то должны будемъ признать, что оно было вполнѣ естественнымъ явленіемъ тѣхъ наличныхъ условій (философы ex professo едва

ли останутся довольны фразою: „явленіемъ условій“), въ которыхъ находилась эта каѳедра, представляя собою исторически образовавшійся средоточный пунктъ для всѣхъ церковныхъ отношеній на Востокѣ“ (стр. 138). Конечно, was ist wirklich, ist vernünftlich: если византійскій епископъ сталъ первымъ восточнымъ патріархомъ, то на это безъ сомнѣнія были достаточныя причины. Но и папство, даже новѣйшее—*непогрѣшимое* папство *съ исторической точки зрѣнія* представляется тоже вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Что же отсюда слѣдуетъ для „пониманія смысла и цѣли возвышенія константинопольской каѳедры“, равной по идеѣ съ римскою? Слѣдуетъ только то, что одно явленіе нужно будетъ признать *исторически законченнымъ*, другое — остановившимся *на низшемъ моментѣ* своего развитія. „Равнымъ образомъ, продолжаетъ философствовать г. Барсовъ, если мы посмотримъ на тотъ же предметъ *съ канонической точки зрѣнія*, то принуждены будемъ согласиться, что въ возвышеніи константинопольской каѳедры (подразумѣвается: на одну линію съ римскою) сказались свойственныя церкви: идея порядка и стройности ея отношеній, также идея постепеннаго и послѣдовательнаго, словомъ—законченнаго развитія церковной формы управленія“ (тамъ же) Признаемся откровенно: мы не находимъ въ этихъ фразахъ никакого смысла, ни каноническаго, ни философскаго. Прежде всего, трудно понять, что̀ собственно разумѣетъ здѣсь авторъ подъ *каноническою* точкою зрѣнія. Если онъ намекаетъ на *положительное* каноническое право, то мы уже видѣли, что оно не имѣетъ ничего общаго съ оригинальными воззрѣніями автора на власть константинопольскаго патріарха. Если же рѣчь идетъ о *принципіальной* канонической точкѣ зрѣнія, какая дана въ догматическомъ ученіи о существѣ церкви и основаніяхъ ея внѣшняго устройства: то съ этимъ ученіемъ, какъ извѣстно, ни папство, ни патріаршество не стоитъ въ генетической связи. Итакъ остается признать, что въ настоящемъ случаѣ нашъ канонистъ является просто теоретикомъ. Но и съ теоретической точки зрѣнія непонятно, почему „заключительный моментъ послѣдовательнаго проведенія церковію идеи порядка, стройности и законченности въ своемъ управленіи“ (стр. 140) нужно видѣть въ установленіи *не одного*, а *двухъ* совершенно „тожественныхъ“ органовъ высшаго церковнаго управленія. Пер-

вое, безспорно, было бы болѣе сообразно съ отвлеченною идеею „порядка, стройности и законченности въ церковномъ управленіи“. Такъ именно и разсуждаютъ католическіе богословы и канонисты, желая *теоретически* оправдать систему папскаго монархизма. Но для православнаго канониста „идея порядка и стройности въ церковномъ управленіи“ осуществляется: *принципіально* — въ божественномъ учрежденіи епископата, *исторически* — въ различныхъ органахъ высшей церковной администраціи, не имѣющихъ характера канонической необходимости.

III.

До сихъ поръ авторъ имѣлъ дѣло съ *общею мыслію* о главенствѣ константинопольскаго патріарха на Востокѣ, старясь утвердить ее на каноническихъ основаніяхъ, или оправдать фактами изъ церковной исторіи [15]) Но эта общая мысль, конечно, не могла оставаться только отвлеченнымъ принципомъ церковнаго законодательства, а должна была выразиться въ положительныхъ правахъ и преимуществахъ константинопольскаго патріарха, которыя бы дѣйствительно отличали его отъ прочихъ патріарховъ и сравнивали его значеніе на Востокѣ съ значеніемъ римскаго папы на Западѣ. Разсмотрѣнію этихъ правъ и преимуществъ г. Барсовъ посвящаетъ особую главу (IV), которая есть собственно обширный коментарій нѣсколь-

---

[15]) Факты сами по себѣ, конечно, не выражаютъ дѣйствительнаго права. Вообще мы имѣемъ дѣло съ г. Барсовымъ не какъ съ церковнымъ историкомъ, а какъ съ канонистомъ. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что и съ фактами исторіи онъ нерѣдко обращается такъ же, какъ и съ канонами, т.-е. насильно заставляетъ ихъ говорить въ пользу своей теоріи. Такъ, напримѣръ, фактъ признанія всѣми восточными патріархами формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей г. Барсовъ лаконически объясняетъ тѣмъ, что „восточные патріархи уже привыкли подчинять судьбу своихъ церквей указаніямъ изъ Константинополя“, и потому volentes nolentes „послѣдовали приглашенію Керуларія“ (стр. 130). А Петръ антіохійскій съ его извѣстными протестами противъ нетерпимости Керуларія, съ одной стороны, и съ торжественнымъ заявленіемъ о важности и законности *единственной* причины разрыва съ Римомъ (filioque)—съ другой?

кихъ постановленій, содержащихся будто бы въ „Эклогѣ Льва Исавра и Константина Копронима“ (стр. 186). На самомъ же дѣлѣ эти постановленія принадлежатъ не Эклогѣ (съ которою г. профессоръ каноническаго права могъ бы познакомиться хоть по славянскому переводу, находящемуся въ нашей печатной Кормчей), а другому, позднѣйшему памятнику византійскаго законодательства — Эпанагогѣ Василія Македонянина (ок. 883 г.) [16]). Изложивъ описательно понятіе о патріархѣ вообще, Эпанагога продолжаетъ: „Константинопольскій престолъ, украшенный царственнымъ достоинствомъ города (βασιλείᾳ ἐπικοσμηθείς, что̀ г. Барсовъ переводитъ: „украшающій столицу“), поставленъ первымъ соборными опредѣленіями, послѣдуя которымъ божественные (т.-е. императорскіе) законы предписываютъ, чтобы возникающія при другихъ престолахъ несогласія приносились на разсмотрѣніе и судъ этого престола. Попеченіе и забота о всѣхъ митрополіяхъ, епископіяхъ и церквахъ... лежитъ на мѣстномъ патріархѣ; но константинопольскому предстоятелю предоставлено и въ областяхъ другихъ престоловъ, гдѣ еще не совершено освященіе храма, давать ставропигіи“ (Epanag. tit. III, cap. 9—10; ср. у Барсова стр. 186—187). Итакъ, по опредѣленіямъ Эпанагоги, константинопольскій патріархъ отличается отъ прочихъ восточныхъ патріарховъ тремя преимуществами: 1) онъ признается *первымъ* изъ нихъ; 2) имѣетъ право принимать аппелляціи по дѣламъ, рѣшеннымъ во всякомъ другомъ патріаршескомъ округѣ, и 3) „даетъ ставропигіи въ областяхъ другихъ престоловъ“. Не входя пока въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ преимуществъ, считаемъ нужнымъ предварительно указать на слѣдующія два обстоятельства неизвѣстныя г. Барсову, но весьма важныя по отношенію къ вопросу объ историческомъ и юридическомъ смыслѣ выше приведенныхъ постановленій Эпанагоги. Вопервыхъ, Эпанагога, по основательной догадкѣ ея издателя [17]), не была оффиціально об-

---

[16]) Подлинникъ Эклоги и Эпанагоги изданъ въ Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum“, ed. *Zachariae*. Lipsiae. 1852. Славянскій переводъ первой—въ Кормчей, гл. 49.

[17]) *Zachariae*, Geschichte des griech.—röm. Rechts, 2-te Auflage, s. 14, 63—64.

народована и осталась только проэктомъ. Во всякомъ случаѣ ея своеобразныя постановленія о патріархѣ вообще и константинопольскомъ въ частности не приняты ни въ изданный Львомъ Философомъ сводъ дѣйствующихъ законовъ византійской имперіи (въ такъ-называемыя *Базилики*, или Царскія книги), ни въ каноническій кодексъ восточной церкви, каковымъ признаваемъ былъ такъ-называемый *Фотіевъ* номоканонъ. Вовторыхъ, редакція статей Эпанагоги о патріаршеской власти, по всей вѣроятности, принадлежитъ патріарху Фотію [18]), котораго не безъ основанія упрекаютъ въ преувеличенномъ взглядѣ на значеніе своей каѳедры [19]). Уже эти обстоятельства побуждаютъ насъ отнестись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ попыткѣ представить на основаніи Эпанагоги полный „юридическій образъ" константинопольскаго патріарха, какъ „старѣйшаго предстоятеля христіанской церкви" (стр. 187).

Если Эпанагога говоритъ о *первенствѣ* константинопольскаго патріаршаго престола, то мы можемъ понимать ея слова только въ смыслѣ разсмотрѣнныхъ нами соборныхъ каноновъ, на которые и сама она ссылается. Конечно, и г. Барсовъ толкуетъ эти слова въ пользу своей теоріи восточнаго папизма; впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ нашъ канонистъ ограничивается только повтореніемъ нѣкоторыхъ фрагментовъ этой теоріи, въ родѣ слѣдующихъ: „константинопольскій патріархъ, *какъ предстоятель всего православнаго востока*, пользовался правомъ *высшаго церковнаго управленія*"; „его каѳедра была средоточіемъ, къ которой (sic) стекались и при которой получали разрѣшеніе важнѣйшія дѣла со всего востока" (стр. 188). Повторенія и на сей разъ не

---

[18]) Въ спискахъ одной византійской юридической компиляціи, изданной Цахаріэ подъ именемъ „Epitome" и содержащей въ себѣ выписки изъ Эпанагоги, именно двѣ статьи изъ титула II, гдѣ изложены постановленія „о царѣ" (περὶ βασιλέως), сдѣлана противъ этихъ статей замѣтка: Φωτίου (*Zachariae*, Ius graeco-romanum t. II, p. 291). Отсюда съ вѣроятностію заключаютъ, что и слѣдующій титулъ „о патріархѣ", уже по самому своему содержанію и редакціи обличающій въ авторѣ лицо духовное, происходитъ отъ того же Фотія. *Zachariae*. Coll. libr. jur. graec. inedit. p. 56; ср. *Hergenröther* Photius II, 588—589).

[19]) См. *Hergenröthern*, Photius III, 339 и др.

обошлись безъ противорѣчій. Такъ, на предыдущихъ страницахъ своего сочиненія, тамъ, гдѣ доказывалась равноправность и равночестность константинопольскаго патріарха съ римскимъ папою, авторъ настаивалъ на томъ, что „*фактическія* неравномѣрность почета обоихъ (sic) каѳедръ и дѣйствительнаго вліянія ихъ іерарховъ на дѣла церкви были слѣдствіемъ *не неравенства ихъ авторитета* (конечно, de jure), *а зависѣли отъ постороннихъ причинъ*“ (оттого именно, что папа на Западѣ не имѣлъ соперниковъ и „не былъ подчиненъ разнообразнымъ движеніямъ государственной власти“, стр. 141). Здѣсь же „постороннія причины“ (именно послѣдовательныя порабощенія православнаго Востока сарацинами крестоносцами и турками), поставившія трехъ восточныхъ патріарховъ въ *фактическую* зависимость отъ константинопольскаго, приводятся въ доказательство *неравенства* ихъ авторитета (опять-таки de jure: ибо „*право высшаго церковнаго управленія*“ на всемъ Востокѣ отдано авторомъ одному константинопольскому іерарху). Такимъ образомъ изъ одинаковыхъ посылокъ выводятся два противоположныя заключенія. Принимать послѣдній взглядъ за каноническую догму того времени было тѣмъ болѣе странно со стороны автора, что онъ самъ ссылается далѣе на извѣстный трактатъ Вальсамона „о патріаршескихъ преимуществахъ“, написанный именно съ цѣлію доказать, что порабощенные невѣрными патріархи остаются все-таки патріархами, т.-е. такими же духовными владыками ввѣренныхъ имъ частей христіанскаго міра, какъ и предстоятели церкви римской и константинопольской. *Внѣшній* блескъ каѳедръ первыхъ двухъ патріарховъ, на взглядъ Вальсамона, не умаляетъ *внутренняго* авторитета и значенія трехъ остальныхъ, совершенно съ ними равноправныхъ[20]). Г. Барсову, выставляющему новую теорію о двухъ главахъ церкви, слѣдовало бы доказать, что развиваемая знаменитымъ греческимъ канонистомъ старая теорія о пяти патріархахъ, какъ „пяти чувствахъ цер-

---

[20]) Σύνταγμα, t. IV, p. 544 οὐδέ τις, говоритъ Вальсамонъ, τῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν ἐκ τῶν θείων κανόνων τόπον κληρωσάμενος πρότερον, τοῦ δευτέρου καὶ τοῦ μετ'αὐτὸν ὡς ὑπερφέρων καταλαΐονεύεται. Т.-е.: „кто изъ святѣйшихъ патріарховъ, по опредѣленіямъ божественныхъ каноновъ, получилъ первое мѣ-

ковнаго организма", уже не выражала собою общаго каноническаго воззрѣнія греческой церкви того времени. Но въ томъ-то и дѣло, что доказать этого нельзя; ибо теорія Вальсамона утверждается не на одномъ только метафорическомъ сравненіи церкви съ человѣческимъ организмомъ, но и на *положительныхъ* опредѣленіяхъ каноническаго права, которыя послужили основаніемъ и для этого сравненія. Весь трактатъ Вальсамона есть не болѣе, какъ комментарій на 36 и 37 правила трульскаго собора, изъ коихъ первое, какъ мы видѣли, утверждаетъ равноправность и, слѣдовательно, взаимную независимость пяти патріаршихъ престоловъ, второе—не допускаетъ стѣсненія чьихъ-либо іерархическихъ правъ „вслѣдствіе порабощенія отъ невѣрныхъ". Мысль перваго правила, какъ неизмѣнная догма церковнаго права, въ послѣдствіи повторялась на Востокѣ и въ символическихъ или вѣроисповѣдныхъ книгахъ [21]), и въ оффиціальныхъ редакціяхъ самаго каноническаго кодекса [22]).

Второе преимущество константинопольскаго патріарха, указанное въ Эпанагогѣ—право принимать аппелляціи на рѣшенія митрополичьихъ судовъ другаго патріархата—обыкновенно производятъ отъ халкидонскаго собора, который въ 9 и 17 своихъ канонахъ, установляя *послѣднюю инстанцію* церковнаго суда, обращаетъ аппелляціонную жалобу „*или* къ экзарху діэцеза, *или* къ престолу царствующаго Константинополя". Въ этихъ правилахъ, по толкованію г. Барсова, соборъ предоставилъ константинопольскому іерарху *высшую судебную власть* и надъ высшими церковными лицами по дѣламъ спорнымъ, и поставилъ его каѳедру *высшимъ трибуналомъ* посредствующаго суда для не-

---

сто, тотъ не долженъ быть льстиво превозносимъ, какъ преимуществующій предъ вторымъ и слѣдующимъ за нимъ".

[21]) Такъ въ извѣстномъ исповѣданіи вѣры іеромонаха Митрофана Критопула, въ послѣдствіи патріарха александрійскаго, читаемъ: Ἔστι δὲ καὶ ἰσότης μεταξὺ τῶν τεσσάρων πατριαρχῶν, ὡς ἀληθῶς χριστιανικοῖς ποιμέσι προήκουσα. Οὐδεὶς γὰρ τούτων κατεπαίρεται τῶν ἄλλων, οὐδὲ καθόλου κεφαλὴ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας ἀξιοῖ τις ἐκείνων καλεῖσθαι. См. *Kimmel*, Monum. fid. eccles. orient. t. II, p. 209.

[22]) Разумѣемъ извѣстный Пидаліонъ константинопольскаго патріархата. См. сколію къ 9 правилу халкидонскаго собора.

доумѣнныхъ (?) дѣлъ *по всему востоку*, подобно тому, какъ это предоставлено римскому епископу на западѣ сардикійскими канонами" (стр. 61). Замѣтимъ прежде всего, что авторъ не обратилъ должнаго вниманія на употребленную соборомъ раздѣлительную частицу *или* и вслѣдствіе того невѣрно передалъ грамматическій смыслъ халкидонскихъ постановленій: соборъ только приравниваетъ константинопольскаго патріарха, по правамъ судебной власти, къ экзархамъ діэцезовъ, а не ставитъ его каѳедру „высшимъ трибуналомъ" на всемъ Востокѣ. Далѣе, г. Барсовъ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что *въ моментъ изданія* разсматриваемыхъ постановленій халкидонскаго собора константинопольскій епископъ еще не былъ экзархомъ діэцеза и слѣдовательно, еще не имѣлъ опредѣленныхъ границъ для своей дѣятельности въ качествѣ судьи, равнаго экзарху. Быть такимъ судьею онъ могъ только „по праву предваренія „(ex jure praeventionis), т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны соглашались принести свое дѣло *на окончательное рѣшеніе* не къ мѣстному экзарху, а къ „престолу царствующаго града". Само собою понятно, что такія дѣла поступали на разсмотрѣніе константинопольскаго епископа всего чаще изъ ближайшихъ къ его каѳедрѣ трехъ діэцезовъ (ѳракійскаго, азійскаго и понтійскаго), которые, какъ выше замѣчено, *фактически* уже находились подъ его властію еще задолго до халкидонскаго собора. Только епископы восточнаго Иллирика *обязаны были*, по закону Гонорія и Ѳеодосія 421 г., представлять свои спорныя дѣла на рѣшеніе столичнаго іерарха и его σύνοδος ἐνδημοῦσα [23]). Таковы были судебныя права этого іерарха въ моментъ изданія 9 и 17 правилъ халкидонскаго собора. Но вотъ, при особыхъ обстоятельствахъ, въ особомъ и какъ бы чрезвычайномъ засѣданіи, тотъ же соборъ издаетъ дополнительное постановленіе, которымъ формально подчиняетъ юрисдикціи „архіепископа Новаго Рима" три діэцеза, въ качествѣ одной церковной области, одного церковнаго діэцеза. Какъ относилось это позднѣйшее постановленіе къ предыдущимъ правиламъ того же собора? Очевидно — такъ,

---

[23]) Обстоятельства изданія этого закона подробно изложены Гергенрётеромъ; см Photius I, 46—48; ср. у Барсова, стр. 45.

что оно обращало прежнюю привилегію столичнаго епископа въ обыкновенное право экзарха и, въ этомъ смыслѣ, *отмѣняло ее*. Правда, самъ соборъ не исправилъ первоначальной редакціи своихъ предыдущихъ постановленій; тѣмъ не менѣе ближайшіе къ его временамъ источники церковнаго права не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 9 и 17 халкидонскія правила получили теперь такой смыслъ: право окончательнаго рѣшенія церковно-судебныхъ дѣлъ въ каждомъ діэцезѣ (патріархатѣ) принадлежитъ *исключительно* мѣстному патріарху. Таковъ законъ Юстиніана 530 г., подробно изложенный и съ большими натяжками истолкованный г. Барсовымъ (стр. 188—196). Установивъ порядокъ церковно-судебныхъ инстанцій, законъ предписываетъ: „ни одинъ клирикъ не долженъ быть обвиняемъ прямо предъ патріархомъ, но, согласно съ священными законоположеніями (т.-е. соборными канонами), сначала — предъ мѣстнымъ епископомъ, аппелляція на судъ котораго идетъ къ митрополиту, а отсюда—къ патріарху діэцеза, и здѣсь дѣло получаетъ уже окончательное рѣшеніе, неподлежащее обжалованію. Обращаться къ патріархамъ, минуя посредствующую инстанцію, дозволяется только съ просьбами о назначеніи особаго суда по извѣстному дѣлу. Въ этомъ случаѣ, если одна изъ сторонъ недовольна приговоромъ назначенныхъ патріархомъ судей, аппелляціонная жалоба идетъ уже прямо къ *первосвятительскому престолу*“ (ἐπὶ τὸν ἀρχιερατικὸν θρόνον). „Вся трудность правильнаго толкованія этого закона, говоритъ г. Барсовъ, заключается въ пониманіи послѣдняго выраженія: ἀρχιερατικὸς θρόνος, подъ которымъ одни разумѣютъ исключительно каѳедру константинопольскаго, другіе напротивъ—вообще мѣстнаго патріарха“ (стр. 192). Авторъ повидимому готовъ былъ принять послѣднее мнѣніе, особенно въ виду того обстоятельства, что въ номоканонѣ Фотія (tit IX, cap. 1) спорное выраженіе: ἀρχιερατικὸς θρόνος замѣнено безспорнымъ: πατριάρχης [24]). Но такъ какъ „подобное мнѣніе оказывается противорѣчащимъ постановленіямъ халкидонскаго собора и Эклоги“ (читай: Эпанагоги), то и рѣшено толковать Юстиніа-

[24]) Σύνταγμα t. I, p. 165: Ὁ δὲ πατριάρχης ἀκροᾶται τῆς ἐγκλήτου τῶν ἐξ ἐπιτροπῆς αὐτοῦ δικασάντων ἐπισκόπων, ἢ μητροπολιτῶν.

новъ законъ въ пользу константинопольскаго патріарха. Задавшись такою цѣлію, нашъ канонистъ, очевидно, поставилъ себя въ знаменитый circulus vitiosus: смыслъ постановленій халкидонскаго собора и Эпанагоги, требующій объясненія изъ другихъ источниковъ византійскаго права, вдругъ обратился въ средство къ уразумѣнію смысла этихъ послѣднихъ. Въ результатѣ этой логической метаморфозы получается слѣдующее толкованіе: „законъ этотъ предоставилъ прямо обращаться *къ престолу царствующаго города* въ неудовольствіяхъ на епископовъ, *коль скоро дѣло уже было разсмотрѣно на мѣстѣ назначенными отъ патріарха, по просьбѣ истца, судьями*.... То обстоятельство, что эти судьи, хотя и по просьбѣ истца, но назначались мѣстнымъ патріархомъ и, слѣдовательно, изъ лицъ, которымъ патріархъ довѣрялъ болѣе другихъ, а равно и то, что неудовлетворительность ихъ рѣшенія для одной изъ сторонъ предполагала пристрастіе ихъ къ интересамъ другой: то и другое обстоятельство, *представляя мѣстнаго патріарха до нѣкоторой степени заинтересованнымъ въ дѣлѣ*, очевидно, не могли уже не поселить въ сторонѣ, недовольной рѣшеніемъ, *нѣкоторую недовѣрія и къ самому патріарху*. Поэтому законъ, *съ свойственною ему правомѣрностію*, и не обращаетъ недовольнаго состоявшимся рѣшеніемъ къ суду мѣстнаго патріарха, а направляетъ его къ престолу царствующаго города“ (стр. 194—196). Прекрасно: а что если *мѣстнымъ* патріархомъ былъ самъ константинопольскій? По толкованію г. Барсова выходитъ, что и въ такомъ случаѣ слѣдовало аппеллировать къ другому патріарху, „не заинтересованному въ дѣлѣ“; иначе бы законъ утрачивалъ „свойственную ему правомѣрность“. Такъ нашъ канонистъ путается въ сѣтяхъ своей собственной аргументаціи! Между тѣмъ смыслъ закона, ясный и самъ по себѣ и по изложенію въ Фотіевомъ номоканонѣ, ставится внѣ всякаго спора и сомнѣнія позднѣйшею (123-ю) новеллою Юстиніана, которая точно также знаетъ только двѣ инстанціи церковнаго суда по дѣламъ епископовъ: митрополита и (мѣстнаго) патріарха [25]). Конечно, и послѣ халкидонскаго собора повто-

---

[25]) Эта новелла, между прочимъ, изложена въ извѣстномъ „собраніи 87 главъ“, извлеченныхъ патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ новеллъ Юстиніана—*для церковной практики* (гл. 57 и 58).

рялись случаи рѣшенія при константинопольской каѳедрѣ спорныхъ и другихъ дѣлъ, уже бывшихъ на разсмотрѣніи областныхъ соборовъ другаго патріархата,—благодаря именно тому обстоятельству, что въ столицѣ всегда находилось достаточное число митрополитовъ изъ разныхъ діэцезовъ, чтобы для каждаго дѣла могъ составиться σύνοδος ἐνδημοῦσα. Естественно было стремленіе возвести эту практику къ какому-либо законному или каноническому началу. А для этой цѣли всего ближе было воспользоваться: вопервыхъ—вышеприведеннымъ закономъ Гонорія и Ѳеодосія (421 г.), которымъ восточный Иллирикъ (тогда еще принадлежавшій къ округу римскаго епископа) въ извѣстномъ отношеніи подчинялся юрисдикціи константинопольскаго іерарха [26]); вовторыхъ—9 и 17-мъ канонами, халкидонскаго собора, которые, оставшись въ своей первоначальной редакціи и по изданіи 28-го канона и сопоставленные съ этимъ послѣднимъ, естественно получали такой смыслъ, что константинопольскій патріархъ въ правѣ принимать апелляціи изъ другихъ патріаршихъ округовъ. Первое сдѣлано въ Эпанагогѣ Василія Македонянина, (въ составленіи которой, какъ выше указано, слѣдуетъ допустить участіе патріарха Фотія [27]); послѣднее—въ анонимной (и г. Барсову неизвѣстной) схоліи къ 9-му канону халкидонскаго собора, которая впервые встрѣчается въ каноническомъ сборникѣ Симеона Магистра, но едва ли не принад-

---

[26]) И этотъ законъ, принятый въ кодексъ Юстиніана, вошелъ въ составъ разныхъ сборниковъ, назначенныхъ спеціально для церковнаго употребленія, напримѣръ въ т. наз. Collectio tr partita (*Voelli* et *Justelli*, Biblioth. jur. canon. vet. p. 1243) и въ номоканонъ въ XIV титулахъ, извѣстный съ IX столѣтія подъ именемъ *Pomiesa* (tit. VIII, cap. 5; tit IX, cap. 1).

[27]) Эпанагога прямо ссылается на „божественные законы", какъ на источникъ своего постановленія о судебной власти константинопольскаго патріарха, и достаточно сопоставить это постановленіе съ закономъ 421 г., чтобы убѣдиться въ происхожденіи перваго изъ послѣдняго:

Эпанагога: Οἱ θεῖοι νόμοι καὶ τὰς ὑπὸ τοὺς ἑτέρους θρόνους γινομένας ἀμφισβητήσεις ὑπὸ τὴν ἐκείνου προστάττουσιν ἀναφέρεσθαι διάγνωσιν καὶ κρίσιν (tit. III. cap. 9).

Законъ 421 г: Τὰς ἀναφυομένας κανονικὰς ἀμφισβητησεις, ἐν ὅλῳ τῷ Ἰλλυρικῷ οὐ δεῖ τέμνεσθαι παρὰ γνώμην τοῦ ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινοπόλεως (Photii Nomocan. tit. VIII, c. 1).

лежитъ тому же Фотію, современнику Симеона [27]). Судьба Эпанагоги намъ уже отчасти извѣстна; что же касается до схоліи, то выраженная въ ней мысль нашла себѣ не малочисленныхъ послѣдователей. Въ XII столѣтіи мы встрѣчаемъ ее въ толкованіи Аристина на 9 правило халкидонскаго собора и въ сочиненіи Нила Доксопатра „о порядкѣ патріаршихъ престоловъ“ (τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων). Послѣдній, представляя константинопольскаго патріарха полнымъ наслѣдникомъ преимуществъ римскаго папы, отдѣлившагося отъ единства Вселенской Церкви, говоритъ между прочимъ: „какъ нѣкогда римскій епископъ имѣлъ право принимать аппелляціи на судъ другихъ патріарховъ, такъ и константинопольскій, получившій преимущества римскаго, можетъ пересматривать и отмѣнять приговоры трехъ остальныхъ патріарховъ“ [29]). Еще далѣе пошелъ Макарій анкирскій (ок. полов. XV в.); онъ утверждаетъ, что халкидонскій соборъ предоставилъ константинопольскому престолу право принимать аппелляціи даже изъ предѣловъ діэцеза римскаго папы [30]). По обще-церковною каноническою догмою все-таки оставалась мысль о равенствѣ правъ судебной власти, принадлежащей всѣмъ пяти патріархамъ. Наиболѣе авторитетные толкователи каноническаго кодекса—Зонара и Вальсамонъ ничего не знаютъ о преимуществѣ константинопольскаго патріарха, какое предоставляютъ ему Эпанагога и старая схолія. Напротивъ Зонара, какъ бы критикуя эту схолію и Аристина, въ своемъ толкованіи на 17 правило халкидонскаго собора говоритъ: „не

---

[28]) См. *Voelli* et *Justelli* op. cit. p. 721.—Мысль о принадлежности этой схоліи патріарху Фотію невольно приходитъ на умъ въ виду слѣдующаго обстоятельства. Въ своемъ полемическомъ трактатѣ противъ римскаго первенства подъ заглавіемъ: „Πρὸς τοὺς λέγοντας, ὅτι ἡ Ῥώμη πρῶτος θρόνος, Фотій высказываетъ мнѣніе, совершенно параллельное съ содержаніемъ схоліи и вышеприведеннаго пункта Эпанагоги, именно: Εἰ δὲ λέγεις, ὅτι ἡ ἐν Σαρδικῇ (σύνοδος) διατάσσεται τὸν Ῥώμης ἐξετάζειν τὰς τῶν ἑτέρων ἐνοριῶν ψήφους, πολλαχόθεν ἔχει τὸ εὐκατάλυτον. Πρῶτον μέν, ὅτι τοπικὴ οὖσα ἀνατέτραπται ὑπὸ τῆς οἰκουμενικῆς δ' συνόδου· αὕτη γὰρ τῷ Κωνσταντινουπόλεως ἀρχιερεῖ μᾶλλον τὰς ἑτέρων κρίσεις ἐξετάζειν ἀπένειμεν. См. *Valetta*, Ἐπιστολαὶ Φωτίου, p. 567—571; Σύνταγμα, IV. 109—115. Ср. *Hergenröther*, Photius, III, s. 170—172.

[29]) См. Hieroclis Synecdemus et Notitiae episcopatuum, ed. *Parthey*, s. 292.

[30]) См. *Allatii* De consens. l. I, cap. XVIII, § 2 (ed. 1748, p. 267—268).

надъ всѣми вообще митрополитами константинопольскій патріархъ поставляется судьею, а только надъ подчиненными ему; ибо онъ не можетъ привлечь къ своему суду митрополитовъ Сиріи, или Палестины и Финикіи, или Египта, противъ ихъ воли; но митрополиты Сиріи подлежатъ суду антіохійскаго патріарха, палестинскіе—суду патріарха іерусалимскаго, а египетскіе должны судиться у патріарха александрійскаго, отъ которыхъ они принимаютъ и рукоположеніе и которымъ именно и подчинены" (см. у Барсова, стр. 198). Равнымъ образомъ и Вальсамонъ во многихъ мѣстахъ своего коментарія высказываетъ общую мысль, что каждый патріархъ есть крайній судья въ своемъ діацезѣ и что ихъ рѣшенія уже не подлежатъ обжалованію [31]). Зато, если вѣрить и Барсову, „Властарь (XIV в.), *не выражая никакого колебанія по настоящему вопросу*, съ опредѣленностію говоритъ, что предстоятелю Константинополя принадлежитъ право наблюдать за возникающими въ предѣлахъ другихъ престоловъ несогласіями, исправлять ихъ и произносить окончательный судъ" (стр. 198—199). Но обращаясь къ самому Властарю, мы находимъ, что въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается г. Барсовъ, онъ не высказываетъ никакого своего личнаго мнѣнія, а просто выписываетъ титулъ Эпанагоги „о патріархѣ" [32]). Его личное пониманіе содержащагося здѣсь постановленія о правѣ константинопольскаго патріарха рѣшать въ послѣдней инстанціи дѣла, возникшія „при другихъ престолахъ", г. Барсовъ могъ бы усмотрѣть изъ другаго мѣста, гдѣ излагаются каноническія и гражданскія опредѣленія о преимуществахъ каѳедры Новаго Рима [33]). Здѣсь Властарь, между прочимъ, приводитъ уже извѣстный намъ законъ 421 г. объ Иллирикѣ и дѣлаетъ ссылку на ту главу своей Синтагмы, въ которой помѣщена выписка изъ Эпанагоги: ясно, что онъ только въ смыслѣ этого закона понималъ и изъ него производилъ соотвѣтственное постановленіе, содержавшееся въ позднѣйшемъ источникѣ. „Согласно съ Властаремъ, продолжаетъ г. Барсовъ, разсуждалъ о правахъ константинопольскаго патріарха и самъ константинопольскій патріархъ

---

[31]) См. напримѣръ его толкованія на правила: апост. 31, халкид. 9, антіох. 12.

[32]) Выписка эта приведена въ гл. 8, букв. П.—См. Σύντ. VI, 428—429.

[33]) Именно въ гл. 11, букв. Е.—Ibid. p. 260.

Нилъ (1378—1388 г.), когда, наставляя ѳессалоникскаго митрополита относительно патріаршихъ правъ (de juribus patriarcharum), доказывалъ ему, что и церковными канонами, которые утверждены законами благочестивѣйшихъ государей, и съ того времени дѣйствовавшимъ обычаемъ установлено, чтобы аппелляціи подавались патріархамъ и въ особенности константинопольскому. При этомъ патріархъ въ подтвержденіе своихъ мыслей приводитъ то самое постановленіе Эклоги (читай: Эпанагоги), которое, *въ смыслѣ дѣйствующаго закона*, помѣстилъ въ своей Синтагмѣ и Властарь" (стр, 199). И тутъ показаніе нашего канониста не совсѣмъ точно. Патріархъ Нилъ доказывалъ только, что онъ имѣетъ право принимать аппелляціи *по всѣмъ* дѣламъ, рѣшеннымъ митрополичьимъ судомъ *въ его діэцезѣ*, а не по нѣкоторымъ только, *важнѣйшимъ*, какъ усиливался доказать *подчиненный ему* митрополитъ солунскій. [34]). Постановленіемъ Эпанагоги патріархъ воспользовался только какъ доказательствомъ a potiori: „если мы имѣемъ право дѣлать это (т.-е. принимать аппелляціи) въ другихъ округахъ, то какъ не будемъ уполномочены на то *въ своемъ*?" [35]). Отсюда конечно было бы поспѣшно заключать, что патріархъ признавалъ первое право своей каѳедры столь же безспорнымъ, какъ и послѣднее. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что постановленіе Эпанагоги принято въ Синтагму Властаря и отсюда, по всей вѣроятности, поцитировано въ грамотѣ патріарха Нила, не сообщило ему значенія „дѣйствующаго закона" въ греческой церкви. По крайней мѣрѣ, оффиціальный схоліастъ константинопольскаго Пидаліона съ такою же рѣшительностію отрицаетъ право своего патріарха принимать аппелляціи изъ другихъ патріаршихъ округовъ, съ какимъ усердіемъ нашъ русскій канонистъ старается доказать оное [36]). Это обстоятельство тѣмъ сильнѣе говоритъ противъ г.

---

[34]) Σπουδάζεις μὲν γὰρ ἀποδεῖξαι, писалъ онъ своему митрополиту, ὡς οὐκ ἔστιν ἄδεια τῷ πατριάρχῃ πάσας ἀνακρίνειν τὰς τῶν ἀρχιερέων κρίσεις· διὰ γὰρ τοῦτο καὶ τοὺς κανόνας προφέρεις καὶ τὴν ἐξήγησιν τοῦ περιττοῦ (апост прав. 34: μηδέν τι πράττειν περιττὸν ἄνευ τῆς ἐκείνου, т.-е. митрополита, γνώμης) καὶ τὰ λοιπά. *Miclosich*, Acta Patriarchatus Cpl. t. II, p. 40.

[35]) Ibid: εἰ γοῦν ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις ἔχομεν ἄδειαν τοιαῦτα ποιεῖν, πῶς ἐν τῇ ὑμετέρᾳ τοῦτο οὐκ ἔξομεν.

[36]) См. схолію къ 9 правилу халкидонскаго собора.

Барсова, что по его же собственнымъ словамъ, „съ покореніемъ турками Константинополя, преобладающее значеніе константинопольскаго патріарха на всемъ востокѣ не только не ослабѣло, но еще болѣе усилилось, благодаря тому обстоятельству, что константинопольскій патріархъ, имѣя свое пребываніе въ резиденціи правительства султана, былъ и является въ глазахъ послѣдняго духовнымъ представителемъ и вмѣстѣ главою христіанскаго православнаго населенія турецкой имперіи" (стр. 131). Видно, старая каноническая догма была живуча, если она сохранила свою силу и даже нашла себѣ прямую защиту въ оффиціальной редакціи канонническаго кодекса восточной церкви, не смотря на обстоятельства, доставлявшія константинопольскому патріарху полную возможность сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ его г. Барсовъ — церковнымъ судьею для всего православнаго Востока (тамъ же).

О третьемъ преимуществѣ константинопольскаго патріарха— правѣ учреждать ставропигіи—г. Барсовъ говоритъ: „Въ то время, какъ прочіе патріархи пользовались правомъ давать ставропигіи только въ предѣлахъ своихъ округовъ, константинопольскій патріархъ, по законамъ Эклоги Льва Исавра и Константина Копронима (читай: Эпанагоги Василія Македонянина), могъ раздавать ставропигіи и подчинять своей власти монастыри, церкви и молитвенные домы *и онь своего округа по всему свѣту*" (стр. 201). Изъ какого источника вошло въ Эпанагогу это своеобразное постановленіе, намъ неизвѣстно и г. Барсовъ не объясняетъ; но несомнѣнно, что оно стоитъ здѣсь совершенно одиноко и не нашло себѣ отголоска ни въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ, ни въ сочиненіяхъ авторизованныхъ канонистовъ. Вальсамонъ, въ другихъ отношеніяхъ ревностный поборникъ прерогативъ константинопольскаго престола, о правѣ ставропигіи говоритъ, какъ объ общемъ преимуществѣ всѣхъ пяти патріарховъ, и знаменательно прибавляетъ, „*никому* изъ патріарховъ не дано власти посылать ставропигіи *въ область другого патріарха*, ни брать его клириковъ, *дабы не смѣшивались права церквей*". Подобнымъ же образомъ разсуждаетъ и схоліастъ Пидаліона: „митрополиты и архіепископы, говоритъ онъ, подчиненные патріархамъ, такъ что всѣ они, находясь въ округахъ патріарховъ, возносятъ ихъ имя въ священныхъ службахъ; поэтому

патріархи пользуются правомъ учреждать ставропигіи въ *подвластныхъ имъ* митрополіяхъ и архіепископіяхъ съ тѣмъ, чтобы въ этихъ ставропигіяхъ поминалось ихъ имя". Все это извѣстно, впрочемъ, и г. Барсову (см. тамъ же). Тѣмъ не менѣе онъ предпочитаетъ и въ настоящемъ случаѣ слѣдовать, безъ всякихъ оговорокъ и объясненій, одному Властарю, или, что все равно, той же Эпанагогѣ, которую буквально повторяетъ (а не „перефразируетъ") Властарь. Въ чемъ этотъ канонистъ самъ полагалъ существующее и дѣйствующее право ставропигіи константинопольскаго патріарха, видно изъ другаго мѣста его Синтагмы, которое приводитъ и г. Барсовъ, хотя—нужно замѣтить—приводитъ въ неправильномъ видѣ, по испорченному чтенію у Леена [37]). Вотъ точный переводъ подлинныхъ словъ Властаря. „одному константинопольскому патріарху предоставлено, на основаніи *давняго* обычая, давать ставропигіи (ἐκ συνηθείας ἐφείται μακρᾶς, σταυροπήγιά τε διδόναι, что Лекенъ читаетъ: ἐκ συνηθείας ἐφείται μακρὰ σταυροπήγια διδόναι, а г. Барсовъ переводитъ: „давать *обширныя* ставропигіи") и пользоваться возношеніемъ и поминаніемъ своего имени не только въ пріобрѣтенныхъ имъ, гдѣ бы то ни было, въ свою собственность селеніяхъ и въ вотчинахъ подчиненныхъ ему монастырей (οὐ μόνον ἐφ' οἷς κέκτηται ἰδίοις χωρίοις ὁπουδήποτε κειμένοις καὶ τοῖς ἀκινήτοις κτήμασι τῶν ὑποκειμένων τούτῳ μοναστηρίων, что у г. Барсова переведено крайне сбивчиво: „не только въ находящихся въ разныхъ мѣстахъ, пріобрѣтаемыхъ, или собственныхъ селахъ и въ окрестныхъ селеніяхъ подчиненныхъ ему монастырей"), но и *въ предѣлахъ своихъ митрополій*, куда бы онъ ни былъ приглашенъ строителемъ храма". Ясно, что право ставропигіи ограничивается здѣсь для константинопольскаго патріарха *предѣлами подчиненныхъ ему митрополій* и представляется исключительнымъ его правомъ только по отношенію къ митрополитамъ, которые не могли совершать ника-

---

[37]) Oriens Christianus, t. I, p. 117. Замѣчательно, что рядомъ съ Лееномъ г. Барсовъ цитируетъ аѳинскую Синтагму (т. VI, стр. 84) и „Jus graeco-romanum" Цахаріэ (t. III, p. 599, not. 1), въ которыхъ стоитъ правильное чтеніе. Почему же, однако, отдано предпочтеніе Лекену? Потому, конечно, что „обширныя ставропигіи" (μακρὰ σταυροπήγια) болѣе благопріятствуютъ теоріи нашего канониста, нежели „давній обычай" (ἐκ συνηθείας μακρᾶς).

ихъ понтификалій въ подчиненныхъ имъ епископіяхъ. Нужно еще прибавить, что Властарь и въ настоящемъ случаѣ не высказываетъ своего личнаго мнѣнія, а дѣлаетъ (незамѣтно для г. Барсова) почти дословную выписку изъ толкованія Вальсамона на 12 правило сардикскаго собора [38]), значитъ—вполнѣ слѣдуетъ общепризнанному авторитету своего предшественника, изъ котораго выписываетъ также и выше приведенныя слова о принадлежности права ставропигіи всѣмъ патріархамъ и невозможности никому изъ нихъ дѣйствовать этимъ правомъ въ предѣлахъ другаго [39]). Ни здѣсь, ни тамъ Властарь не рѣшается противопоставить Вальсамону авторитетъ Эпанагоги, что̀, однакожъ, было бы совершенно необходимо, если бы эта послѣдняя признавалась тогда „дѣйствующимъ закономъ“. Въ особенности слѣдовало бы исправить заявленіе прежняго канониста о томъ, что принадлежащее константинопольскому патріарху право ставропигіи утверждается *на давнемъ обычаѣ*: „нѣтъ, долженъ былъ возразить Властарь, не на обычаѣ, а на *прямомъ и общеизвѣстномъ законѣ*“.

Итакъ „юридическій образъ константинопольскаго патріарха“, начертанный г. Барсовымъ, никакъ не можетъ быть признанъ вѣрнымъ и подлиннымъ. Онъ представляетъ намъ нѣчто совершенно чуждое православному каноническому праву — *византійскаго папу*, а не перваго изъ четырехъ равныхъ между собою патріарховъ Востока. Единственнымъ отличіемъ константинопольскаго патріарха и выраженіемъ принадлежащаго ему преимущества чести предъ тремя прочими служилъ и служитъ титулъ *вселенскаго*, впервые формально принятый патріархомъ Іоанномъ Постникомъ (въ концѣ VI в.) и навсегда удержанный

---

[38]) Σύνταγμα t. III, p. 265: ὅτι εἰς τὰς ἀκινήτους κτήσεις τῶν ἀλλοτρίων ἐκκλησιῶν ὁ ἐγχώριος ἐπίσκοπος ἐνεργεῖ τὰ ἀρχιερατικὰ δίκαια· ἀπὸ μακρᾶς δὲ συνηθείας, βεβαιωθείσης πολλάκις συνοδικῶς, ὁ θρόνος τῆς Κωνσταντινουπόλεως σταυροπήγιά τε δίδωσιν εἰς πάσας τὰς τῶν ἐκκλησιῶν ἐνορίας (т.-е. во всѣ владѣнія церквей), καὶ ἀναφορὰν ἔχει οὐ μόνον ἐν τούτοις, ἀλλὰ καὶ ἐφ' αἷς ἔχει ἀκινήτοις κτήσεσιν ὁπουδήποτε. Τινὲς δὲ λέγουσι, τὸ αὐτὸ δίκαιον ἔχειν τὸν αὐτὸν ἅγιον θρόνον, οὐ μόνον εἰς τὰς διαφερούσας τούτῳ κυριαρχικῷ δικαίῳ κτήσεις, ἀλλα καὶ εἰς τὰ ἀκίνητα τῶν ὑποκειμένων τούτῳ μοναστηρίων, ὁπουδόποτε διακείμενα.

[39]) Ibid. VI, 257—258.

его преемниками. Исторія и толкованіе этого титула занимаютъ особую (III) главу въ книгѣ г. Барсова. Само собою понятно, что и здѣсь авторъ нашелъ не мало поводовъ къ развитію и основаній къ подкрѣпленію своей теоріи. „Это титло, говоритъ онъ, было усвоено константинопольскому патріарху и утвердилось за нимъ во вниманіи къ преимущественному положенію этого іерарха въ христіанской церкви и служило къ выраженію *особенныхъ правъ его власти*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ усвоеніи этого титла константинопольскому патріарху сказались: отчасти стремленіе еще болѣе сравнять этого патріарха въ положеніи и преимуществахъ съ римскимъ папою (можно ли сравнивать „еще болѣе“, когда уже халкидонскій соборъ, по толкованію г. Барсова, „вполнѣ и во всемъ“ сравнялъ обоихъ іерарховъ?), отчасти намѣреніе предупредить возможность претензій римскаго папы на преобладаніе въ христіанской церкви“ (предоставивъ такую возможность константинопольскому патріарху?). „Этимъ значеніемъ титла вселенскій—продолжаетъ г. Барсовъ—всего лучше можно объяснить то противодѣйствіе, которое обнаружили употребленію этого титла римскіе папы, которые, стремясь къ расширенію и утвержденію своего вліянія надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, естественно не могли терпѣть себѣ соперниковъ и допустить что-либо *осуждающее* ихъ стремленіе; поэтому они и вооружились противъ титла „вселенскій“, которое, при всемъ умѣренномъ его пониманіи, заключало въ себѣ *мысль о преимущественномъ положеніи константинопольскаго патріарха сравнительно съ римскимъ владыкою*“ (стр. 181—182). Итакъ, если вѣрить г. Барсову, уже въ VI вѣкѣ шла борьба по вопросу: гдѣ быть папству—въ Римѣ или Византіи? Иниціатива вопроса, очевидно, принадлежала послѣдней: ибо въ титулѣ „вселенскій“ *при самомъ умѣренномъ его пониманіи*, „заключалась мысль о пре, восходствѣ константинопольскаго епископа предъ римскимъ“. Съ другой стороны, ни откуда не видно, чтобы титулъ этотъ былъ собственно реакціей или „осужденіемъ“ начинавшемуся абсолютизму власти настоящаго папы; напротивъ, предыдущія изслѣдованія автора показываютъ, что дѣло шло совершенно наоборотъ: *именно* притязанія константинопольскихъ патріарховъ на первенство въ христіанской церкви и увлекали папъ „къ пріобрѣтенію для римской каѳедры такихъ преимуществъ,

какія помрачали бы собою блескъ титла вселенскаго“ (стр. 174). Такъ, въ противоположность этому титулу, папы приняли на себя смиренный по наружности, но неизмѣримо болѣе гордый по внутреннему своему смыслу титулъ „раба рабовъ Божіихъ“ (стр. 168) [40]; вслѣдъ за тѣмъ они настояли предъ императоромъ Фокою на изданіи закона „о главенствѣ римскаго епископа надъ всею церковію“ (стр. 169). Все это заставляетъ г. Барсова произнести такое сужденіе о смыслѣ борьбы, которую римскіе папы вели изъ-за титула „вселенскій“: „борьба эта, предпринятая, *повидимому*, въ интересахъ охраненія внутренней свободы церкви и съ цѣлію противодѣйствія *казавшемуся* абсолютизму ея власти, сопровождалась тѣмъ, что папы, поражая къ лицѣ константинопольскихъ патріарховъ *казавшіяся* имъ: гордость и высокомѣріе, стремленіе къ преобладанію надъ всею церковію, незамѣтно, но уже въ дѣйствительности, сами увлекались этими свойствами и заражали ими свою каѳедру“ (стр. 152—153). Однакожъ—suum cuique, г. профессоръ! Почему на одной сторонѣ только *кажущееся* зло, а на другой *дѣйствительное?* Не потому ли только, что одна стремилась къ преобладанію безуспѣшно, а другая, увлекаясь вызывающимъ примѣромъ своей соперницы, шла къ той же цѣли съ бо́льшимъ успѣхомъ? Ясно, что авторъ вращается въ кругу противорѣчій, изъ котораго напрасно думаетъ выйти при помощи разныхъ оговорокъ, смягченій и уступленій. Смыслъ всей главы о титулѣ константинопольскаго патріарха можетъ быть кратко выраженъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) „*хотя* титулъ этотъ и выражалъ собою мысль о превосходствѣ константинопольскаго патріарха предъ всѣми высшими іерархами (не выключая и римскаго папы), *однако* онъ служилъ выраженіемъ только *кажущагося* стремленія къ преобладанію надъ всею церковію“; 2) „*хотя* зло, „заражавшее римскую каѳедру“, имѣло свой источникъ въ Византіи, *однако* вина въ этомъ злѣ всецѣло лежитъ на папахъ“. Уже эти логическія свойства изслѣдованій г. Барсова показываютъ, что онъ не совладалъ съ исторіей предмета, которая, конечно, имѣла *свою* и — непремѣнно *разумную* логику.

---

[40]) Извѣстно, что титулъ этотъ составляетъ аллюзію къ словамъ Спасителя: „кто хочетъ быть у васъ *первымъ*, пусть будетъ всѣмъ *слуга*.“

IV.

Разсмотрѣвъ въ существенныхъ чертахъ и основаніяхъ выставленную г. Барсовымъ новую каноническую теорію, мы перейдемъ прямо [41]) ко второй части его сочиненія, въ которой изображается „власть константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію". Уже выше замѣчено, что эта часть представляетъ весьма скудный интересъ для канониста. Такъ напримѣръ цѣлая глава (VI), посвященная разрѣшенію спорныхъ вопросовъ о началѣ христіанства и о первой церковной іерархіи въ Россіи, очевидно, принадлежитъ исторіи русской церкви, а не каноническому праву. Историки, по всей вѣроятности, не найдутъ здѣсь ни самостоятельныхъ изслѣдованій, ни новыхъ выводовъ, возможныхъ именно только въ трудѣ самостоятельномъ [42]). А для канониста достаточно общаго указанія на тотъ *безспорный* фактъ, что русская церковь произошла отъ греческой. Въ силу этого факта естественно установлялась зависимость новонасажденной церкви отъ своей насадительницы (*митрополіи*—въ обширномъ смыслѣ слова). Г. Барсовъ справедливо не соглашается съ греческими канонистами XII в.—Зонарою и Вальсамономъ, которые основаніе этой зависимости находили въ 28 правилѣ халкидонскаго собора, предоставившемъ константинопольскому патріарху право рукополагать епископовъ въ ино-

---

[41]) Т.-е. не останавливаясь на главѣ (V) „о патріаршемъ синодѣ и ближайшихъ помощникахъ патріарха по управленію" — по той простой причинѣ, что эта глава, сопоставленная съ сочиненіемъ *Чижмана*: Die Synoden und die Episcopal Ämter in der morgenländ. Kirche (Wien, 1867 г.), производитъ впечатлѣніе дурной копіи съ мастерскаго оригинала.

[42]) Въ примѣръ того, какъ авторъ обращается съ труднѣйшими вопросами первоначальной русской церковной исторіи, укажемъ на слѣдующее разрѣшеніе вопроса о знаменитыхъ „корсунскихъ попахъ" новокрещеннаго Владиміра. Сославшись на польскихъ историковъ (Длугоша, Меховита и Стрыйковскаго), которые видятъ въ этихъ „попахъ" весь клиръ корсунской церкви вмѣстѣ съ тамошнимъ епископомъ, крестившимъ русскаго князя, г. Барсовъ объявляетъ: „это свидѣтельство *особенно нравится намъ*, такъ какъ оно совершенно просто и ясно рѣшаетъ вопросъ о заимствованіи русскими первой своей іерархіи" (стр. 355—356). О личныхъ вкусахъ принято не спорить, но принято также не давать имъ мѣста въ рѣшеніи вопросовъ *научныхъ*.

родческихъ поселеніяхъ (ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς) на территоріи *подчиненныхъ ему діоцезовъ* (стр. 365 и подробнѣе, стр. 443—446): уже буквальный смыслъ правила не допускаетъ такого толкованія. Но, съ другой стороны, нельзя согласиться и съ нашимъ канонистомъ, если онъ, не усматривая никакого юридическаго момента въ фактѣ происхожденія русской церкви отъ константинопольской (стр. 364), выставляетъ такой тезисъ: „подчиненность русской церкви константинопольскому престолу не была утверждена какимъ-либо каноническимъ актомъ и утверждалась *на одномъ нравственномъ, взаимномъ ихъ довѣріи*“ (стр. 484), такъ что, „при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ *не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ каноническихъ основаніяхъ*“ (стр. 483). Это невѣрно, во-первыхъ, *канонически*: ибо по основнымъ началамъ церковнаго устройства, установившимся еще въ первыя три столѣтія христіанства и потомъ неоднократно подтвержденнымъ на соборахъ, происхожденіе одной церкви отъ другой *необходимо* сопровождалось тѣмъ юридическимъ послѣдствіемъ, что первая, какъ бы колонія (ecclesia filialis), становилась подъ власть послѣдней, какъ своей митрополіи (ecclesia matrix, μητρόπολις), *безъ согласія* которой, выраженнаго формально или фактически, власть эта не могла прекратиться. Такимъ образомъ, хотя и не было особаго каноническаго акта о подчиненіи русской церкви константинопольскому патріаршему престолу, тѣмъ не менѣе это отношеніе покоилось на *положительномъ каноническомъ* основаніи, т.-е. на всей совокупности соборныхъ правилъ, опредѣлявшихъ права церковныхъ митрополій. Вовторыхъ, невѣрно *исторически*: обѣ церкви весьма часто и рѣшительно высказывали взаимное недовѣріе, однакожъ зависимость одной изъ нихъ отъ другой оставалась на прежнемъ основаніи. Доказательства на это въ изобиліи находимъ въ книгѣ самого г. Барсова. Такъ, съ русской стороны, достаточно указать на извѣстные примѣры мѣстнаго поставленія митрополитовъ, помимо константинопольскаго патріарха (стр. 448—456), съ греческой — на ставленую грамоту патріарха Филоѳея митрополиту Алексію, въ которой между прочимъ сказано, что патріархъ и его синодъ признаютъ „совершенно необычнымъ и не вполнѣ безопаснымъ для церкви“ (οὐδὲν ἦν σύνηθες διάλου ἢ ἀσφαλές τοῦτο τῇ ἐκκλησίᾳ) рукополагать митрополитовъ на Русь изъ природныхъ русскихъ и что

поставленіе Алексія допущено только въ видѣ исключенія изъ общаго и, на будущее время, неизмѣнно обязательнаго правила, по которому на русскую митрополію должны быть рукополагаемы только изъ клириковъ „богопрославленнаго и счастливаго Константинополя“ (стр. 468—469). Г. Барсовъ совершенно справедливо называетъ это постановленіе „оскорбительнымъ“ для русскихъ вообще и ихъ природныхъ пастырей—въ особенности, тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ, чрезъ нѣсколько страницъ, говорить о „взаимномъ довѣріи“ обѣихъ церквей, какъ единственномъ основаніи ихъ юридическихъ отношеній (стр. 484). Ничто такъ сильно не поколебало довѣрія русской церкви къ греческой, какъ флорентійская унія, однакожъ и послѣ того, несмотря на *фактическое* установленіе автокефальности нашей митрополіи, у насъ продолжали чувствовать зависимость отъ Константинополя и настоятельно просили о присылкѣ оттуда подтвердительной грамоты на право мѣстнаго поставленія митрополитовъ.

Какъ смутны воззрѣнія г. Барсова на основанія власти константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію, такъ сбивчивы и неопредѣленны понятія о самомъ содержаніи этой власти,—о тѣхъ функціяхъ, въ которыхъ она проявлялась. Мысль автора блуждаетъ въ массѣ историческаго матеріала, набраннаго изъ вторыхъ рукъ (преимущественно изъ „Исторій“ высокопреосвящ. Макарія и Соловьева) и механически размѣщеннаго подъ рубриками: „русская церковь, какъ митрополія константинопольскаго патріархата, и ея каѳедра“ (гл. VII), „русскіе митрополиты и ихъ зависимость отъ константинопольскаго патріарха“ (гл. VIII), „участіе константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви“ (гл. IX). Уже при первомъ взглядѣ на эти рубрики нельзя не замѣтить, что онѣ не выведены изъ общаго логическаго начала, покрываютъ одна другую и легко могутъ вести къ частымъ повтореніямъ. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, факты раздѣленія русской митрополіи съ одинаковою подробностію излагаются и подъ первою и подъ второю рубрикой (ср. стр. 393—404 и стр. 500 и слѣд.). Гонясь за разными историческими подробностями, большею частію имѣющими весьма отдаленное отношеніе къ основной темѣ—„*о власти*

константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію“ [43]), авторъ или вовсе упускаетъ изъ виду, или только мимоходомъ и слегка затрогиваетъ вопросы, представляющіе высокій интересъ съ *церковно-юридической* точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, онъ ни слова не говоритъ о денежной дани, которую обязаны были русскіе митрополиты ежегодно отправлять въ Константинополь. По вопросу о вліяніи, какое имѣли византійскіе императоры на русскую церковь, благодаря ея зависимости отъ тамошнихъ патріарховъ, мы находимъ въ толстой книгѣ г. Барсова лишь слѣдующее тощее замѣчаніе: „необходимо прибавить, что при томъ значеніи, которымъ византійскіе императоры пользовались въ дѣлахъ церкви, они имѣли рѣшительное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ“; такимъ образомъ и русскіе митрополиты „избирались въ Константинополѣ и поставлялись патріархомъ *при вліяніи греческихъ императоровъ*“ (стр. 447—448). И только! Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что византійскіе императоры считали себя въ правѣ относиться къ русской церкви точно такъ же, какъ и ко всякой другой митрополіи константинопольскаго патріархата. Въ теоріи право это утверждалось на идеѣ христіанской *міродержавной* римской имперіи, глава которой, какъ помазанникъ Божій, есть верховный покровитель *Вселенской* Церкви во всѣхъ ея частяхъ, гдѣ бы онѣ ни находились (т.-е. хотя бы и за предѣлами имперіи) [44]). Практическому осуществленію этого права благопріятствовало то обстоятельство, что и самъ „вселенскій“ патріархъ, во многихъ отношеніяхъ, стоялъ подъ властію императора. Такимъ образомъ, на общихъ основаніяхъ византійскаго церковно-государственнаго права, императоры: вопервыхъ, при самомъ учрежденіи русской митрополіи указали ей мѣсто или, „чинъ“ въ ряду другихъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріаршему престолу, и за тѣмъ повышали или понижали ее въ этомъ чинѣ; [45]) вовторыхъ, изда-

---

[43]) Таковъ, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи и судьбахъ галицкой митрополіи (стр. 377—392).

[44]) Съ особенною полнотою развита эта теорія двумя греческими канонистами—Вальсамономъ и Димитріемъ Хоматиномъ (см. *Pichler* Geschichte d. kirchl. Trennung zw. Orient und Occident. B. I. s. 414—515). Ср. также приведенный далѣе въ текстѣ отрывокъ изъ грамоты патріарха Антонія.

[45]) См. *Parthey*, Hieroclis Synecdemus et notitiae episcopatuum, по указа-

вали законы какъ о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ, такъ и о возстановленіи ея прежняго единства; втретьихъ, утверждали избранныхъ патріархомъ и его синодомъ, или посланныхъ изъ Руси, кандидатовъ на тамошнюю митрополію. Во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ патріархата по дѣламъ русской церкви непремѣнно упоминается, что содержащееся здѣсь постановленіе или распоряженіе состоялось съ согласія или по прямому приказанію „высочайшаго и святаго самодержца“ (τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου μου αὐτοκράτορος). Вообще патріархи, послушныя орудія императорской политики, не пропускали случая, чтобы представить въ глазахъ русскихъ, всѣ проявленія власти своего „царя“ надъ нашею церковію, какъ что-то совершенно необходимое, какъ составной элементъ самаго православія. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательна грамота патріарха Антонія, писанная около 1393 г. къ великому князю Василію Дмитріевичу. Патріаршіе послы, возвратясь въ Константинополь изъ Руси, донесли, что великій князь не дозволяетъ митрополиту помнить „божественное царское имя въ церковныхъ диптихахъ“ на томъ основаніи, что русскіе „имѣютъ церковь, но царя не имѣютъ и знать не хотятъ“ (λέγεις, ὅτι ἐκκλησίαν ἔχομεν ἡμεῖς, βασιλέα δὲ οὐτε ἔχομεν, οὐτε λογιζόμεθα). Патріархъ признаётъ это тяжкимъ грѣхомъ и внушаетъ великому князю: „святый царь занимаетъ весьма важное положеніе въ церкви (πολὺν τόπον ἔχει εἰς τὴν ἐκλησίαν); онъ не то, что прочіе князья и государи. Царп изначала утвердили благочестіе во всей вселенной; царп собирали вселенскіе соборы и утвердили своими законами, къ неизмѣнному соблюденію, то, что̀ постановлено соборами о правыхъ догматахъ и что говорятъ божественные и священные каноны о христіанскомъ

телю подъ словомъ Ῥωσία. Не вдаваясь, подобно г. Барсову, въ разслѣдованія или, точнѣе говоря, въ повторенія чужихъ разслѣдованій по вопросу, когда именно русская митрополія внесена въ списокъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріарху, замѣтимъ только, что авторъ невѣрно утверждаетъ, будто въ спискѣ, составленномъ Пиломъ Доксопатромъ (ок. полов. XII в.) „не поименовано русской митрополіи“ (стр. 368, примѣч. 1); напротивъ, Доксопатръ прямо говоритъ: ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν μεγάλην Ῥωσίαν ἀπὸ τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως στέλλεται μητροπολίτης (*Parthey*, op. cit. p 297) и даетъ понять, что эта митрополія, какъ новѣйшая и наиболѣе отдаленная отъ Константинополя, занимала въ оффиціальномъ спискѣ послѣднее мѣсто.

общежитіи; цари много подвизались противъ ересей; они же, вмѣстѣ съ соборами, установили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и распредѣлили митрополичьи округи и епископскія епархіи. За все это они имѣютъ великую честь и высокое мѣсто въ церкви. И хотя, по Божію попущенію, невѣрные и стѣснили власть царя и окружили его столицу, однако и до сего дня царь поставляется церковію по тому же чину и съ тѣми же молитвами, и помазуется великимъ мѵромъ въ царя и самодержца Ромеевъ, т.-е. *всѣхъ христіанъ* (χειροτονεῖται βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων, πάντων δηλαδὴ τῶν χριστιανῶν) На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, всѣми патріархами, митрополитами и епископами поминается имя царя, чего никогда не удостоивался никто изъ другихъ князей и мѣстныхъ властителей. Даже самые латины, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковію,—и тѣ оказываютъ ему ту же честь и покорность, какую оказывали и въ старыя времена, когда они были соединены съ нами; тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане. И если невѣрные окружили столицу царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ пусть это самое научитъ ихъ смиренію и заставитъ подумать, что если великій царь, *господинъ и начальникъ вселенной* (ὁ τῆς οἰκουμένης κύριος καὶ ἄρχων), облеченный такою силою, поставленъ въ столь стѣсненное положеніе: то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и мелкіе князья?.... Итакъ, сынъ мой, не хорошо, что ты говоришь: „мы имѣемъ церковь, а не царя“. Невозможно христіанамъ имѣть церковь и не имѣть царя. Ибо царство и церковь имѣютъ тѣсное соединеніе и общеніе и не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, вооружались на церковь и старались ввести развращенные догматы, чуждые ученія апостольскаго и отеческаго. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію Божіей, есть православнѣйшій и вѣрнѣйшій государь, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви, и не возможно быть архіереемъ и не поминать его. Послушай и верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Бога бойтеся, царя чтите,“ не сказалъ: „царей“, дабы кто не подумалъ о называющихся царями у разныхъ народовъ, но: „царя“, показывая, что одинъ всеобщій царь. И какого ца-

ря (повелѣваетъ чтить апостолъ)?—тогда еще нечестиваго и гонителя. Но какъ святый и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, учитъ почитать нечестиваго царя, дабы отсюда увидѣли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. И хотя нѣкоторые другіе изъ христіанъ усвоили себѣ имя царя, но все то противно природѣ, беззаконно и есть дѣло тиранніи и насилія. Ибо какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о другихъ царяхъ? Но все, и свыше и снизу, гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія дѣйствуютъ по всей вселенной, и его одного имя повсюду поминаютъ христіане, а не кого другаго“ [47]). И такой-то актъ совершенно ускользнулъ отъ вниманія г. Барсова!

Константинопольскій патріархатъ хотя и пережилъ имперію, но—и это весьма знаменательно—власть его надъ русскою церковію не пережила имперіи. Какъ прекратилась зависимость русской митрополіи отъ „вселенскаго“ патріарха, объ этомъ г. Барсовъ tacite выписываетъ изъ „Исторіи высокопреосвящ. Макарія слѣдующія свѣдѣнія: „Флорентійская унія и паденіе Царяграда—вотъ тѣ событія, которыя сами собой привели русскую церковь къ свободѣ и независимости отъ константинопольскаго патріарха. Стѣсненный въ своемъ положеніи константинопольскій патріархъ не могъ, если бы и желалъ, заявить: протестъ противъ этого освобожденія, а еще болѣе надѣяться на его успѣхъ. Поэтому, вмѣсто всякаго противодѣйствія, тогдашній патріархъ Геннадій самъ обратился въ Россію съ просьбою о милостынѣ и просилъ прислать въ Царьградъ великокняжескаго посла. Въ отвѣтъ на это обращеніе патріарха, великій князь Василій Васильевичъ, дѣйствительно, послалъ въ Царьградъ своего посла Ивана Владиміровича съ письмами и милостынею, и послѣ два раза, по порученію князя и митрополита, путешествовалъ туда кирилло-бѣлозерскій игуменъ Кассіанъ съ порученіемъ „о церковномъ исправленіи“. Результатомъ этихъ посольствъ и путешествій было то, что константинопольскій и прочіе съ нимъ патріархи, принявъ во вниманіе бѣдственное положеніе своей страны и затруднительность для русскихъ об-

---

[47]) Acta Patriarchatus Constantinopolitani, ed. *Miclosich* et Müller, t. II, p. 190—192.

ращаться въ Царьградъ по церковнымъ дѣламъ, предоставили русскимъ митрополитамъ особою грамотою право получать рукоположеніе отъ собора русскихъ іерарховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ узаконили, чтобы русскій митрополитъ считался по чести выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ и занималъ мѣсто въ іерархіи русской церкви послѣ іерусалимскаго патріарха. Съ этимъ актомъ русская церковь получила независимость отъ константинопольскаго патріарха, и митрополиты ея, начавъ получать поставленіе отъ собора русскихъ іерарховъ, сдѣлались самостоятельными (αὐτοκέφαλοι) въ управленіи своею церковію съ соборомъ русскихъ іерарховъ" (стр. 571—573).—Все это, повторяемъ, есть выписка изъ „Исторіи Русской Церкви" высокопреосвящ. Макарія (см. т. VI, стр. 20—23); но *полныя* исторіи какого бы то ни было предмета пишутся, конечно, не для того, чтобы по нимъ разрѣшались *спеціальные* вопросы, относящіеся къ тому же предмету; скорѣе наоборотъ: историкъ *цѣлаго* въ правѣ ожидать помощи отъ спеціалистовъ въ изображеніи *частностей*. Изложенныя свѣдѣнія о началѣ автокефальности русской церкви въ недавнее время справедливо подвергнуты сомнѣнію. Въ прекрасной статьѣ о. Николаевскаго: „объ учрежденіи патріаршества въ Россіи" представлены слѣдующія соображенія по этому важному вопросу: нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы восточные патріархи (и въ особенности константинопольскій Геннадій) прислали къ намъ особую грамату, съ формальнымъ признаніемъ самостоятельности московскаго митрополита. Если бы такая грамота была дѣйствительно прислана, то по всей вѣроятности она не замедлила бы распространиться въ Россіи; между тѣмъ, она до сихъ поръ неизвѣстна и не сохранилась ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ. Максимъ Грекъ, извѣстный ратоборецъ за норму отношеній русскихъ къ Востоку, на московскомъ соборѣ 1525 г. открыто заявлялъ, что онъ разъискивалъ, на какомъ основаніи ставятся русскіе митрополиты не по прежнему обычаю у патріарха; онъ много допытывался благословенной грамоты, какую будто бы на то далъ русскимъ цареградскій патріархъ, но доселѣ не видалъ этой грамоты, и думаетъ, что русскіе митрополиты ставятся такъ по гордости и самочинно; и не видно, чтобы отцы собора выставили противъ

словъ Максима какія либо серьёзныя возраженія [47]). Историки, въ подтвержденіе мысли о присылкѣ патріаршей грамоты на устройство самостоятельной русской митрополіи, обыкновенно ссылаются на одно мѣсто изъ извѣстія о поставленіи Филарета на русское патріаршество, гдѣ прямо говорится, что восточные патріархи не только прислали особое посланіе, которымъ разъ на всегда предоставляли русскимъ поставлять себѣ митрополита, безъ сношенія съ Востокомъ, но опредѣлили еще права русскаго митрополита: „святительскою честію судпша (ему) предпочитатися паче всѣхъ митрополитъ, и егда случится всея вселенныя соборъ, и предсѣданіе имѣти превышшее по іерусалимскомъ патріаршѣ“ [48]). Но доказательство это должно утратить свою силу, потому что приведенное свидѣтельство, буквально повторенное и въ никоновской Кормчей 1653 г. (л. 10 [49]), взято изъ такихъ источниковъ о началѣ патріаршества, которые прямо дышутъ тенденціознымъ характеромъ, проникнуты желаніемъ возвысить значеніе русскаго патріаршества, и многіе историческія указанія которыхъ, относящіяся къ устройству патріаршества въ Россіи, не оправдываются несомнѣнными данными“. Такъ патріархъ Іеремія, въ началѣ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ по этому предмету, соглашался только на поставленіе такого же автокефальнаго митрополита для нашей церкви, какой поставляемъ былъ въ Охриду (въ Болгарію). Вообще въ подлинныхъ актахъ, относящихся къ учрежденію русскаго патріаршества, тамъ, гдѣ говорится о московской митрополіи, нѣтъ и помину о грамотѣ восточныхъ патріарховъ, въ которой они изъявляли бы свое согласіе на ея независимость и ставили ее на первое мѣсто послѣ іерусалимскаго патріархата; здѣсь замѣчается только въ общихъ выраженіяхъ, что „за прошеніемъ царей и великихъ князей московскихъ и по совѣту патріарховъ вселенскихъ начали поставлятися митрополиты въ россійскомъ царствѣ о себѣ отъ архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собора россійскаго царствія“ [50]). Равнымъ образомъ ни въ грамотахъ восточныхъ патріарховъ 1590 г., ни въ дѣяніяхъ константинопольскаго собора 1593 г., утверждавшихъ патріаршество въ Россіи, вовсе не упоминается о прежнемъ признаніи самостоятельности московской митрополіи. „На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ, заключаетъ о. Николаевскій, можно

[47]) „Истор. Рус. Церкви“ преосвящ. Макарія, т. VI стр. 182.
[48]) Дополн. къ Акт. Истор. т. II, стр. 189.
[49]) Не совсѣмъ *буквально*; есть одинъ важный варіантъ, о которомъ будетъ рѣчь далѣе.
[50]) Съ дальнѣйшимъ доказательствомъ о. Николаевскаго мы не можемъ со-

думать, что самостоятельность этой митрополіи не была признана оффиціально особою грамотою восточныхъ патріарховъ, или одного патріарха Геннадія; послѣдніе должны были примириться съ совершившимся фактомъ помимо своей воли и въ силу неодолимыхъ историческихъ обстоятельствъ“ [51]). Намъ кажется, что вопросъ, такъ твердо поставленный въ сочиненіи, въ которое онъ входитъ только эпизодически, долженъ былъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ *историко-каноническомъ* изслѣдованіи „о *власти* константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію“. Съ своей стороны замѣтимъ, что выводъ о. Николаевскаго подтверждается разсмотрѣніемъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось и которыми, на первое время, сопровождалось *фактическое* освобожденіе русской церкви отъ подчиненности константинопольскому патріаршему престолу. Нѣтъ сомнѣнія, что при митрополитѣ Іонѣ († 1461 г.) сношенія съ Константинополемъ по вопросу о *формальномъ* признаніи самостоятельности русской митрополіи не увѣнчались успѣхомъ. Иначе бы не было надобности прибѣгать къ такому необычайному и, нужно согласиться, неканоническому (ср. апост. 76; антіох. 23) способу избранія преемника Іонѣ, какъ назначеніе его (Ѳеодосія) особою грамотою самого митрополита. Равнымъ образомъ, не нужно было бы, въ моментъ поставленія новаго митрополита, писать особую апологію автокефальности русской церкви, подъ заглавіемъ: „Слово избрано отъ св. писаній еже на латыню, и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго (флорентійскаго) и о изверженіи Сидора прелестнаго *и о постановленіи въ русѣй земли митрополитовъ*“. Здѣсь право русскихъ епископовъ на избраніе и поставленіе своего митрополита, помимо константинопольскаго патріарха, утверждается исключительно на фактѣ флорентійской уніи, въ которой видѣли у насъ измѣну грековъ древнему православію и главную при-

---

гласиться. Именно онъ говоритъ: „въ соборной грамотѣ 1589 г., подписанной патріархами Іереміею и Іовомъ, говорится даже, что порядокъ принятія русскими митрополитами благословенія отъ константинопольскаго патріарха непоколебимо держится и донынѣ“. Въ грамотѣ сказано: „понеже наши прародители... приняли святую и непорочную *вѣру*, и поставленіе пріяша первопрестольники, новые чюдотворцы Петръ и Алексѣй... и прочіе отъ святѣйшаго патріарха костянтинопольскіе *церкви*, Новаго Рима, *еяже*, Вседержителя Бога милосердіемъ и Пречистые Богородицы, *и донынѣ непоколебимо держимъ*“ (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, стр. 96). Относительное „*еяже*“ можетъ относиться и къ *вѣрѣ* и *церкви* (константинопольской); но логическій смыслъ словъ будетъ одинъ и тотъ же: „мы остаемся въ союзѣ *вѣры* съ греческою *церковію*“. Указанія на продолжающійся порядокъ принятія русскими митрополитами благословенія отъ константинопольскаго патріарха тутъ не видно.

[51]) Христ. Чт. 1879. авг.-сент. стр. 17, примѣч. 1; ср. сент.—окт. стр. 396.

чину самаго паденія Константинополя [52]). Впрочемъ, уже при митрополитѣ Ѳеодосіи снова начались довольно дѣятельныя сношенія русской церкви съ Востокомъ, именно—съ *іерусалимскимъ* патріархатомъ. Факты, относящіеся къ исторіи этихъ сношеній, чрезвычайно знаменательны. Въ 1462 или 1463 г. престарѣлый іерусалимскій патріархъ Іоакимъ предпринялъ путешествіе въ Россію, за сборомъ милостыни, но на пути заболѣлъ и отправилъ вмѣсто себя своего протосинкелла Іосифа съ грамотами къ великому князю, митрополиту и ко всему православному русскому народу. Митрополиту патріархъ поручалъ, между прочимъ, *рукоположить упомянутаго Іосифа въ митрополиты Кесаріи Филипповой* — примѣръ, въ исторіи нашей церкви небывалый и, конечно, допущенный не для того только, чтобы расположить русскихъ къ бо́льшей щедрости, но и для того, чтобы въ немъ самымъ торжественнымъ образомъ выразилось признаніе, со стороны одного изъ высшихъ іерарховъ Востока, канонической законности новаго порядка церковныхъ дѣлъ на Руси. Еще болѣе необычно содержаніе іоакимовыхъ грамотъ къ великому князю и ко всѣмъ русскимъ: онѣ напоминаютъ собою папскія индульгенціи. Патріархъ „прощаетъ“ и разрѣшаетъ великаго князя и весь русскій народъ не только отъ „грѣховъ“ вообще, но и отъ какого-то „церковнаго связанія“, или „запрещенія“ [53]). Зачѣмъ понадобились такія грамоты? Откуда и кѣмъ наложено было на русскихъ церковное запрещеніе? Не доходило ли дѣло до *формальнаго* разрыва между Москвою и Константинополемъ? Правда, въ 1454 г. мы видимъ на Руси какого-то „цареградскаго митрополита“ Игнатія, но онъ, сколько можно судить по лѣтописному извѣстію, держится въ сторонѣ отъ Москвы и собираетъ милостыню только въ *Псковѣ* и *Новгородѣ*“. Пусть около того же времени и великій князь съ митрополитомъ не одинъ разъ посылали въ Царьградъ пословъ „о церковномъ исправленіи,“ — но о результатѣ этихъ посольствъ ничего неизвѣстно. Говорятъ еще объ отвѣтномъ посланіи митрополита Іоны къ константинопольскому патріарху Геннадію Схоларію (1453—1459 г.), посланіи, свидѣтельствующемъ о добрыхъ отношеніяхъ между нашей митрополіей и патріархатомъ; но „это посланіе сохранилось безъ начала и безъ означенія, какимъ нашимъ ми-

---

[52]) См. мои „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“, стр. 106—107. Самый текстъ „Слова“,—„въ Ист. литер. обзорѣ древне-русскихъ полем. сочиненій противъ латинянъ“ А. Попова, стр. 360—395.

[53]) Вотъ подлинныя выраженія грамоты къ великому князю: „имѣемъ тя *благословена* отъ Бога и *прощена*, и еже по достоинъству твоему, еще имѣетъ тя, опроче иныхъ, смиреніе наше благородіе твое *прощено* отъ преподающаго тое власти и благодати (читай: властію и благодатію) отъ Пресвятаго и Живоначальнаго Духа связанію разрѣшеніе;... имѣетъ наше смиреніе господарство твое *прощено во всемъ церковномъ запрещеніи; дерзостію пался еси и заповѣди отеческыя преступилъ еси*“... (А. И. т. I, № 72). Выраженія очень сильныя! О грамотѣ ко всѣмъ русскимъ см. Ист. Русс. Цер. *Макарія*, т. VIII, стр. 351, примѣч., 443.

трополитомъ и къ кому изъ патріарховъ оно писано“ [54]). Издатели по догадкѣ усвоили его митрополиту Іонѣ и адресовали патріарху Геннадію, тогда какъ, въ виду вышеизложенныхъ фактовъ, оно съ большею вѣроятностію можетъ быть отнесено къ числу документовъ по сношеніямъ великаго князя и митрополита *Θеодосія* съ іерусалимскимъ патріархомъ. Словомъ: мы предполагаемъ, что сближеніе съ отдаленнымъ Іерусалимомъ вызвано было разрывомъ съ Константинополемъ и что вышеуказанныя грамоты патріарха Іоакима и подали поводъ къ позднѣйшему сказанію о присылкѣ восточными патріархами особой грамоты, съ признаніемъ автокефальности русской митрополіи. И замѣчательно: въ никоновской редакціи сказанія объ учрежденіи патріаршества въ Россіи извѣстіе о присылѣ упомянутой грамоты изложено такъ: „того ради (т.-е. вслѣдствіе завоеванія Константинополя турками) единою посланіемъ съ четырми патріархи согласившеся, и по согласію пріяша и русстіи митрополити отъ *палестинскихъ* патріархъ власть, еже не ктому поставленія ради приходити русскимъ митрополитомъ въ Константиньградъ, но своими епископы избраніе митрополіе творити“ [55]). Такъ точно и въ наши дни *іерусалимскій* же патріархъ призналъ автокефальность болгарской церкви, вопреки опредѣленію *константинопольскаго собора*. Впрочемъ, мы только ставимъ вопросъ въ надеждѣ, что онъ вызоветъ тотъ или другой отвѣтъ со стороны изслѣдователей, болѣе склонныхъ работать по источникамъ первой руки, нежели г. Барсовъ.

—

Въ 1846 г. вышла въ свѣтъ магистерская диссертація А. Зернина: „Объ отношеніи константинопольскаго патріарха къ русской іерархіи“. Отмѣтивъ ее, какъ единственную въ русской литературѣ „печатную брошуру“ по предмету своей объемистой книги, г. Барсовъ лаконически замѣчаетъ: „мы не придаемъ этому разсужденію значенія научнаго изслѣдованія въ *затронутомъ* имъ и *разсмотрѣнномъ* нами вопросѣ“ (введеніе, стр. I, примѣч.). Сомнительно, чтобы кто-нибудь, кромѣ самого г. Барсова, рѣшился отдать предпочтеніе новой книгѣ предъ старой брошурой.

А. Павловъ.

Изъ Православнаго Обозрѣнія.

Печатать позволяется. Москва, 22-го декабря 1879 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.

---

[54]) *Макарій*, Ист. Росс. Цер., т. VI, стр. 21, примѣч. 21.

[55]) Въ филаретовской редакціи того же сказанія дѣло представляется иначе: „и тако единою посланіемъ съ четырми патріархи согласившися, и по согласію пріяша и сіи русстіи митрополити власть отъ *греческихъ* патріархъ, *паче же отъ константинопольскаго*, еже не ктому“ и пр. (Доп. къ Акт. Истор., т. II, № 76, стр. 189). Нужно было бы отыскать *общій* источникъ обѣихъ редакцій, чтобы правильно судить объ ихъ взаимномъ отношеніи и сравнительной достовѣрности содержащихся въ той и другой разнорѣчивыхъ извѣстій.

20070582229